

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

АНДРЕЙ БЕЛЯНИН
ДЕМОН
С СОСЕДНЕЙ УЛИЦЫ

Annotation

Трепещи, грешник, ибо... Ну там дальше по тексту – Ад, огонь, вечные муки и всё такое.

Напомню, я – Абифасдон, судебный пристав из Пекла, выбивающий просроченные души, которые вы же сами и продаёте! За власть, за деньги, за конфетку...

По семейным обстоятельствам (у меня родился сын!) шеф отдела перевёл меня наверх.

И вот пью пиво на лавочке с мужиками, моя жена выгуливает малыша в коляске, тёща не приходит в гости без гранаты, люди стали ещё беспечнее и не верят в демонов, а зря!

Ведь теперь я живу рядом с вами, на соседней улице...

Андрей Белянин

Демон с соседней улицы

© Белянин А. О., 2017

© Художественное оформление, «Издательство АЛЬФАКНИГА», 2017

* * *

Я – Абифасдон. Трепещите, грешники, и всё такое. Не запомните с первого раза, не страшно, я всегда представляюсь дважды – когда вы нарушили контракт и когда я забираю вашу бессмертную душу. Это моя профессия – нечто вроде судебного пристава из Ада. Хотя по звучанию это немножко похоже на «из зада», но можно говорить «из Пекла».

Смысл один. Если вы хоть на минуту просрочили договор, готовьтесь, я иду к вам!

Что ещё могу сказать в своё оправдание? Да – я демон, да – нас, демонов, никто не любит, кроме глупеньких фэнтезийных героинь, да – ещё я женат на самой прекрасной стерве из отдела искушений, и да – у нас ребёнок! Последнее ближе к чуду.

Во-первых, потому что демоны крайне редко имеют детей, во-вторых, потому что этот малыш – человек. Человеческий детёныш, как сказала бы волчица Ракша в сказке про Маугли. Но наш сын не такой, в смысле моя жена сама его родила и от меня (убью всех!), а не от какого-нибудь любовника из мира людей. И снова да, я помню, что она у меня работает в отделе искушений и устоять перед ней не может ни один мужчина...

Помнится, мы долго спорили насчёт имени, я даже успел прострелить любимой супруге кисть руки, когда она замахивалась на меня топором, но тут позвонил Альберт и закрыл тему. Альберт – это мой друг, белый ангел быстрого реагирования. Обычно в его служебные обязанности входит в самый последний момент отбирать у меня грешников. Причём, как правило, шумно, со спецэффектами и реальным мордобоем. Если ещё короче, он обещался быть крёстным моего сына, поэтому малыша назвали библейским именем Захария!

Но об этом, наверное, позже, а сейчас, прошу у всех прощения, я на работе.

– Павло Радочинский?

– Кто принесён мне буйным ветром времён?

– Моё нижайшее имя Абифасдон.

– Ты ли грешник из Пекла, предлагающий дешёвые сделки неглубоким умам?

– Да, мой мудрейший господин. – Я охотно подпустил в голос слезу и смирение, домофон и не такое стерпит. – Позволено ли мне будет войти в твой дом?

– Право, даже не знаю, – сделал вид, что призадумался, популярный в семейном кругу поэт-текстовик. – Ну, допустим, если я позволю тебе войти, дашь ли ты мне слово, что не причинишь мне никакого вреда?

Сукин ты сын! Думаешь, эзотерических книжек начитался и всё, можешь послать любого демона в задницу к папе римскому?! Да подавись...

– О мой повелитель! Клянусь чёрной шерстью с ягодиц самого Сатаны, что не разрушу твой дом, не отключу Интернет и не отожму сотовый! Верь, что и рыбкам твоим в аквариуме не будет причинено вреда. Да поразит меня Тьма в солнечное сплетение!

Ну вы, наверное, уже поняли, что после таких обещаний этот недоумок легко и не задумываясь пригласил меня войти в его жилище. Будучи законопослушным и более того, семейным демоном, выйдя из лифта на шестом этаже, я ещё раз нажал кнопку звонка и самым жалостливым (Нерон сдох бы от зависти...) голосом спросил:

– Позволено ли мне войти?

– Достал уже своей тупостью, – сквозь зубы ответили из квартиры. – Да! Заходите! Я жду вашего отчёта!

Браво. Не знаю, стоило ли мне ещё и аплодировать, но как иначе выразить свои чувства

к тому, кто продал душу, просрочил платёж и сам (собственноручно!) пригласил в свой дом за законно обещанным?!

– Глупец Абифасдон, как дерзаешь ты... – успел пролепетать этот длинноносый дрыщ в капюшоне, когда я принял свой истинный облик в два метра могучих мышц и схватил его за горло когтистой лапой.

– Трепещи, смертный! Ибо имя моё Абифасдон, и я пришёл за твоей просроченной душой! Есть вопросы или возражения?

– Не розумию вашу москальску мову, – прохрипел задержанный.

– О'кей. Нет проблем. Переведу, як тебе краше. Я прийшов за твоєю душею, смертний! Розумиєшь?

– Это нечестно! Евросоюз не одобряет такие наезды на демокр...

– О! Ты даже не представляешь, насколько мне похрен.

– А-а... США?! – страшно удивился он. – Обама может и вернуться, что скажешь?!

– Молись, – единственное, что взбрело мне в голову.

Уж поверьте, если демон по вызову забирает проклятую душу грешника, ему абсолютно параллельно, откуда он её забрал. Из Америки, России, Германии, Брюсселя, Швеции, ЮАР и так далее. Нам, слугам Ада, оно глубоко по фигу! В этом смысле мы демократы.

Минуты три-четыре этот урод честно пытался вспомнить хоть одну молитву на языке правообладателя. Результат как у футбольной сборной РФ на чемпионате мира. То есть потуг много, слёзы, пот ручьём, парни вызывают искреннее сострадание, но толку? Правда, им при любом раскладе платят сумасшедшие деньги, даже я столько не получаю.

– Собирайся, грешник, у меня и без твоего нытья сегодня много вызовов.

Мужик перестал истерить и поджал ноги, бросившись на пол. Сначала я даже не понял, чего он там ползает задницей кверху, а он рисовал мелом круг. Вот ведь очередной Хома Брут, чтоб его...

– Тебе не перешагнуть круга! Волею Всевышнего заклинаю тебя, демон Абифасдон... э-э-э... это твоё истинное имя?

– Одно из тысяч, – устало вздохнул я. – Этим именем мне, как правило, приходится представляться людям. Мама назвала меня иначе.

– Как?

– Не твоё собачье дело.

Поэт с мистическим креном на всю башку явно обиделся. Хотя я, между прочим, ни на йоту не соврал! Любимая мамочка называла меня всегда по-разному – «убью, пошёл вон!», «жри что дают!», «смотрите, какой урод!» и «ах ты козёл, весь в отца!».

Это всё из цензурного, а так у неё была богатая фантазия, и она долгие годы отдала перевоспитанию упёртых атеистов в котельной номер шесть и уж лаяться умела как никто.

Ладно, о маме можно говорить долго, я протянул руку, чтобы когтем поймать должника за ворот рубашки, и вдруг натолкнулся на невидимую стену.

– Что за хрень?

– Господи, иже еси на небеси, да святится воля твоя...

– Ах ты, грязный недоносок, – проорал я, второй раз больно стукаясь рогом о барьер круга, – Гоголя начитался?! Да я из тебя сейчас за такие вещи...

«Какой прогноз у нас сегодня, милый? С чем ты опять проснулся...» – я успел вернуть человеческий облик и выхватить сотовый из кармана пиджака. Прошу прощения за рингтон, теперь мелодию звонков на мой мобильный ставит Азриэлла.

– Дорогой, мне скучно.

– А мне весело, я вообще-то на работе.

– Приведёшь мне вкусного грешника? – искренне обрадовалась она.

– Я бы рад, но эта сволочь сидит в круге и читает христианские молитвы так, как будто он их в детстве наизусть учил, а теперь вдруг вспомнил!

– Киевская духовная семинария, курсы православия. Так, на всякий случай.

– Заткнись, гад! – грозно рявкнул я на этого типа, резко влезшего с несвоевременными комментариями. – Короче, придётся брать измором. Посижу тут пару дней.

– Э-э-эй! А как же «развеешься с первыми петушиными криками»?!

– Не дождёшься, – рыкнул я. – Милая, это я не тебе. Ты-то как раз дождёшься. Тебе грудинку или бёдрышко?

– Даже не знаю, – капризно протянула моя Азриэлла. – Ой, кажется, малыш проснулся. Я бегу! Целую! Хочу! Буду!

– Жена, – неизвестно зачем пояснил я, убирая сотовый. – Но, по сути, ничего не изменилось – пока вы не уплатите долг, мне придётся поселиться у вас.

– К-как у меня? Я категорически против!

Наверное, надо было хоть как-то отреагировать, плечами пожать, что ли, но в этот момент телефон зазвонил снова.

«Если друг оказался вдруг и не друг, и не враг, а...» – вот его мне только ещё и не хватало.

– Да будь ты проклят! Что за беда, Альберт, я на работе?!

– Мир тебе и твоим близким, – певуче ответили в трубке. Голос ангела обладал таким невероятным звучанием, что даже я почувствовал, как за спиной вырастают лебединые крылья. – Звонила твоя драгоценная жена, она считает, что тебе требуется моя помощь.

– Братишка, ты в своём уме?

– Да, а что?

– Я – на работе! Моя работа – забирать души грешников! Ещё раз, ты точно уверен, что хочешь мне помочь?

– Конечно, – не дрогнув, ответил ангел быстрого реагирования. – Какой адрес?

Я быстро продиктовал.

– Це хто?

– Ангел.

– Та вы шо... в паре працуете?! От кляты москали!

– Повыражайся мне тут! – прикрикнул я, принимая свой истинный облик.

Должник икнул и вновь принялся молиться на русском. Вот ведь задницей чувствует, когда на какой язык надо переходить...

Альберт подъехал минут через семь-восемь. Внешне он просто секси – почти двухметровый красавец-блондин с римским профилем, голубыми глазами, атлетической фигурой и такими длинными ресницами, что на них можно было бы выложить целую коробку спичек! Я читал о таких рекордах в Книге Гиннеса.

– Заваливай!

– Ты хорошо выглядишь, друг мой. Как крошка Захария?

– Спасибо, с утра был в порядке, пускал слюни и пузыри.

– Надеюсь, ты сфотографировал на сотовый?

– Альберт, я всё-таки демон, а не сюсюкающая мамочка...

– Жаль, мне было бы очень интересно.

– Если ты кому хоть словом... – Я быстро достал последнюю модель Samsung и открыл галерею, пролистав пять или шесть фотографий.

– Он прелесть. И на тебя похож.

– Завидуй молча. – Я отобрал у ангела свой сотовый. – Вон, полюбуйся лучше на этого кадра. Продал душу, на совершал грехов, а как пришёл срок оплаты – спрятался в дурацкий круг и выходить не хочет.

– Ты позволишь мне поговорить с ним?

– Запросто! Но имей в виду, периодически в нём просыпается западенец.

– Я умею говорить о Боге на любом языке...

Собственно, между нами, если Альберт спрашивает, то исключительно из вежливости. Вы думаете, что вот такой дежурный демон, как я, способен сказать «нет» боевому ангелу из сил быстрого реагирования? Да он нас может по десятку в день топить в Ниагарском водопаде или закатывать в асфальт на федеральной трассе Мурманск – Махачкала!

За ним не застрянет, и ничего ему за это не будет. Его шеф, бывший шеф нашего шефа, способен до сих пор при желании гонять своего бывшего подчинённого раком до Китая и обратно. А тут всего лишь...

– Эй, придурок в круге! Да, да, я к тебе обращаюсь, можно подумать, у нас тут куча придурков. Короче, с тобой хочет поговорить мой друг.

– Да пошёл он в...

– Будь повежливее, – рявкнул я. – Мой друг – ангел! И, возможно, он твоя последняя надежда.

Здесь мне пришлось слегка драматизировать ситуэйшен. На самом деле, если Альберт вступается за грешника, я могу с лёгкостью уйти в туман и нервно курить бамбук в уголочке. Потому что ещё ни разу не было случая, чтобы мне удалось хотя бы оказать ему достойное сопротивление. Обычно после каждой нашей драки моей жене приходится сшивать меня на живую нитку. И да, если кто забыл, пошли вы со своим мнением в задницу, мы с Альбертом – друзья! Так бывает. Абзац. Другого объяснения у меня нет.

– Милая? – Я отошёл в сторонку, пользуясь паузой.

– Да, дорогой, – в трубке сладострастно мурлыкнула Азриэлла. – Ты сам позвонил! Обожаю тебя! Придётся пораньше?

– Надеюсь.

– В каком смысле? – недопоняла моя жена. – Раз ты звонишь сам и голос вполне бодрый, значит, с грешником ты уже разобрался и мне можно голой ждать домой мужа-победителя, нет?

Я мысленно зачем-то пообещал убить всех (дежурная привычка) и вежливо пояснил матери своего сына, что она сама умудрилась направить ко мне на задание ангела, который на данный момент исповедует моего грешника, и если задание сорвётся, то я не получу премию, а малыш Захария будет вынужден надевать на ночь ранее использованные памперсы. Кому он должен сказать за это спасибо? Да! Именно ей, нежно любимой маме!

– Ты думаешь, он его...

– Спасёт? О да! К бабульке не ходи.

– Абифасдон, он твой.

Клянусь потными копытами Сатаны, я не сразу понял смысл прозвучавших слов и даже более того, не принял их на свой счёт. Чтобы вот так, без нравочений, без драки ангел

быстрого реагирования позволил мне, демону по вызову, забрать грешника?! Мой мир никогда уже не будет прежним.

– Дорогой Абифасдон, – из круга вышел длинноносый мужик с опущенной головой, – ваш друг столь ясно и глубоко описал мне суть моего же падения, что даже не знаю, как сказать. Я очень виноват. Я обманывал, лжесвидетельствовал, вещал всякий бред, приписывал себе функции Бога на земле. Это было очень плохо. А мои стихи ещё хуже. Я каюсь. Искренне. И готов понести наказание.

– Хана тебе, грешник, ибо имя моё Абифасдон и я пришёл за твоей бессмертной душой! – обрадованно взревел я.

– Друг мой, не забывай, он искренне раскаялся, – деловито вставил Альберт, до хруста разминая кулаки.

– Какого лешего?! Я имею право! Его душа уже продана, и мне нужно лишь...

Дальше не помню. Кажется, удар ангельского кулака отправил меня в очень далёкое путешествие. Не знаю куда и зачем, но, видимо, лично ему это было и важно, и нужно. Он у нас культурный, его хлебом не корми, а только дай спасти грешную (именно грешную!) душу.

Очнулся от того, что чьи-то нежные когти заботливо соскребали грязь и кровь с моего лица. Больно, но приятно.

– Любимый, что с тобой?!

– Альберт.

– Э, не поняла?..

– А знаешь, я не удивлён. Ты отправила ко мне ангела быстрого реагирования, и он (естественно, чтоб его!) спас душу этого грешника. Я был прав.

– И?

– И летел башкой вниз с шестого этажа до первого. Если точнее, до подвалов.

– Я сию минуту позвоню его жене и всё ей выскажу! Как он смел, я же просила...

Пусть звонит, толку-то? Дело сделано. Грешник, вымоливший прощение искренним раскаянием, уже не находится в моей юрисдикции. Теперь им будет заниматься Чистилище. Когда он умрёт своей смертью, разумеется, а каким-либо образом ускорить этот процесс я никогда не вправе, мне это непозволительно.

Ну вот почему всегда так? Почему, если Он решил вдруг левой пяткой, тенью правого полушария взять и простить грешника, нас никто не предупреждает заранее? Я, как демон, обязан реагировать тупо по факту! О когти архангеловы, неужели тому же Альберту так уж сложно прислать эсэмэску: «Сегодня у нас проблемы. Приказ свыше помиловать всех, кроме фанатов Бандеры и Шухевича! Этих – забирай, остальных – не трогай!»

Вот можно подумать, что мой друг ничего заранее не знает.

Да и тот и другой уже не одно десятилетие парят уши в котлах с кипящей смолой, где за уровнем пламени российского газа следят всё те же черти-националисты с трезубом. Да и пусть, не жалко, мне-то оно за что?

– Держи, милый.

– Зачем?

– Это тебя. – Моя жена протянула мне свой розовый телефончик.

– Алло, – устало выдохнул я в сотовый.

– Абифасдон? Здравствуйте, – раздалось в трубке таким нежным и певучим голосом, что я едва не сел прямо на асфальт. – Вы меня не знаете, но я о вас так много наслышана! Меня зовут Анастасия, я...

– Жена моего друга Альберта.

– О, так он вам рассказывал. Надеюсь, только хорошее? – И она так засмеялась, что у меня потекли слюни. Если так смеются все ангелы в Раю, то мне пора эмигрировать туда всей своей семьёй, включая даже тещу. Мамой клянусь! – Абифасдон, мой муж сказал, что сегодня между вами произошло досадное недоразумение. Он очень переживает.

– Что вы, что вы, пара открытых переломов и дежурное сотрясение мозга, – поспешил успокоить я. – К тому же, как говорится, было бы что сотрясать. Ваш муж не пострадал? Он вроде бы бил меня головой...

– Ах, право, вы ещё способны шутить? Боже, вы, мужчины, – это нечто! Альберт нижайше просит у вас прощения, он позвонил бы сам, но у него срочная работа. Его послали обезопасить одного международного журналиста. Как раз прямого начальника того самого поэтичного грешника, из-за которого вы сегодня... так неловко...

– Какой адрес? – рявкнул я, всё поняв.

– Ну, насколько я запомнила, это девятиэтажный дом за вашей спиной, четвёртый этаж, офис сто семь, кабинет второй, лысеющий мужчина тысяча девятьсот шестьдесят четвёртого года рождения, вредные привычки в наличии, зовут Борис Аркадьевич, фамилию не запомнила. Ах, я такая рассеянная...

– Вы прелесть! Ко мне вновь вернулась жажда жизни.

– Спасибо за комплимент. – В трубке вновь рассмеялись самым чарующим голосом на свете. – И да, я уверена, что мой муж будет там минут через пятнадцать. Азриэлле привет и чмоки-чмоки вашему малышу!

Пятнадцать минут. Ха! Я уложился в восемь. У лысого толстяка-журналиста было проспиртованное и прекрасное мясо. Как раз то, что подают как диетическое в наших ресторанах.

Грешники, я иду к вам!

Глава 1

Перекупка души

– Дорогой, ты не забыл кое о чём?

– Нет, дорогая, у меня всего три вызова, и домой.

– Почему три? Ты говорил – один!

– Я говорил – два.

– Вот видишь, а теперь говоришь – три! Ты стал слишком часто задерживаться с работы.

Нет, это правда! Правда!

– Я вообще слова не сказал.

– Сказал! Ты ещё позавчера мне об этом говорил, а я тебе говорила, что вся в ребёнке, он нуждается в материнской ласке, а я нуждаюсь в понимании мужа! Что ты молчишь?

– Я за рулём.

– Это потому, что теперь я толстая и некрасивая?! Не смей на меня молчать!

Я не успел сбросить скорость и за перекрёстком был остановлен бдительным гаишником в мятой форме.

– Нарушаем, гражданин. Выйдите из машины.

Я с тихим стоном протянул ему свой сотовый. Парень минуты полторы слушал непрекращающиеся вопли Азриэллы, после чего, побледнев лицом, вернул телефон и козырнул:

– Проезжайте. Моя пока на восьмом месяце. Постарайтесь больше не нарушать.

Мы обменялись понимающими кивками. Если кто считает, что женщины сходят с ума во время беременности, то вы ещё просто не знаете, как их колбасит в первые месяцы после рождения малыша. А если ваша жена демонесса и вы живёте в Аду, тут уж...

Даже не знаю, что сказать и с чем сравнить, вы всё равно не поймёте. То, что наша жизнь далеко не сахар и туризм не стоит путать с эмиграцией, знают, наверное, все. Но попробуйте представить, что происходит с вашими голодными соседями, когда вы вносите в свою квартиру забавно пищащий свёрток из роддома. Вилки и ножи точило полквартила!

Первые три дня мы с Азриэллой не могли носу наружу высунуть, просто вели непрекращающийся отстрел всех желающих лизнуть нашего малыша. Неделю спустя Захария научился засыпать под ритм пулемётных очередей старенького «максима». Хорошо ещё с боеприпасами регулярно помогал Альберт. Контрабандой, разумеется.

– Лесная, двадцать четыре, – пробурчал я в новенький навигатор.

Спутниковая система повела меня в загаженный проулок частных развалюх, как ни странно имеющих место быть даже в заброшенных квартальчиках самого центра города. По моему, мне достался наиболее занюханый и грязный домик. Кое-как припарковав машину, я облокотился на хрустнувший забор и громко крикнул:

– Хозяева дома? Есть тут кто-нибудь?

На мой голос в дверях показалась невысокая, очень худая девушка лет восемнадцати-девятнадцати. В платке, длинной юбке и какой-то бесформенной футболке. Сомневаюсь, что она вообще понимает, кто я и зачем пришёл.

– Антон Наумович здесь проживает?

– Аполлиария Ясного сейчас нет, – тихо ответили мне. – Если вы хотите прийти на

лекцию или сделать пожертвование, я ему передам.

– Вообще-то он очень нужен мне лично. Позвольте войти?

– Никто на свете не вправе ограничивать чью-то свободу, мы же все дети Земли и Вселенной.

Хороший ответ. Обтекаемый, но мне требуется конкретика, правила такие, обязан соответствовать.

– То есть приглашаете зайти? – широко улыбнулся я, стараясь выглядеть максимально дружелюбно, и даже игриво подмигнул пару раз, чтобы установить доверительные отношения. Главное, по-любому проникнуть в дом.

– Что ж, войдите. Но Аполлиария нет дома, можете убедиться. Я не вру.

Это верно, такие врать не умеют. Им что в голову положили, с тем они и живут, своим разумом не пользуются в принципе. Да и зачем он им?

– А наш общий друг знал, что сегодня я зайду в гости?

– Аполлиарий всё знает, он живёт в гармонии с Природой и Миром, – так же тихо и даже как-то заученно пробубнила девушка. – Он вам бумагу оставил и двух деток.

Я прочистил ухо. Вилы Гавриилы мне в задницу, что?!!

– Проходите же.

Пригнувшись, я шагнул в маленький дверной проём, попав в крохотную, забитую всяким драным хламом комнату. В дальнем углу, на металлической кровати, покрытой дряхлым пледом, сидели двое худеньких малышей, лет трёх от роду, мальчик и девочка. Русоволосые, глазёнки голубые, лица чистенькие, а вот одежда с цыганской свалки, не иначе.

– Кхм, так где, вы говорите, на данный момент находится мой приятель Антон?

– Это не его истинное имя, – равнодушно поправила меня девушка. – Аполлиарий Ясный дал мне все указания насчёт вас. Вот бумаги, заполнены как положено и заверены у нотариуса. Проверьте.

Я безропотно принял из её рук небольшую пластиковую папку и приступил к чтению. Глаза полезли на лоб уже на первой странице – этот ушлый негодяй переписал на неё всю свою ответственность по договору, и теперь в Пекло должна была отправиться душа этой девушки! А двух малышей он мне «просто дарит за хлопоты». Люди-и, вы не перестаёте нас изумлять...

– Дети, зажмурьте глазки! Сейчас будет фокус.

– Какой? – спросила девушка.

– Страшный.

В одно мгновение я принял свой истинный облик – двухметровый рогатый демон с квадратными плечами, клыками навывпуск и огненным паром из ноздрей!

– Трещи, смертный! Ибо имя моё Абифасдон, и я пришёл за твоей просроченной душой!

Девушка икнула, закатила глаза и рухнула в обморок. Я, словно лев, бросился вперёд, поймав её в падении за пять сантиметров от грязного пола.

– Куда, милочка?! От меня так легко не сбежишь. Ты подписала у какого-то насквозь продажного нотариуса акт передачи своей души за душу беспринципного наглеца Антошки Наумовича. Что ж, а знаешь ли ты, что теперь все твари Ада будут измываться над твоим невинным телом?! А-а?!!

Поверьте, иногда наорать на женщину – это лучший способ привести её в чувство. Бледная дура распахнула ротик, соизволив прийти в себя. Хитрые дети, закрыв глаза

ладошками, подсматривали за нами сквозь пальцы и совсем ничего не боялись. Глупые и доверчивые, что с них взять.

– Вы... меня убьёте?

– А ты как думаешь, дура? Посмотри на меня! Я что, так уж похож на весёлого клоуна в «Макдоналдсе»?!

Она вновь попыталась уйти в несознанку, но то было не в моих интересах.

– Где был твой куриный мозг? – орал я, тряся её как грушу. – Любой мозг, хотя бы костный, но где?! Как ты посмела даже предположить, что великий и ужасный Абифасдон удовлетворится дешёвой подменой? Как ты, будущая мать, – хотя я лично лишил бы таких мамзелей самого права на зачатие, – могла решить, что я жру детей, словно какой-то там дебиловатый пират из сказки про Айболита?!

– Бармалей, – вдруг хором подсказали дети.

– Спасибо. Точно, как там... «и мне не надо ни шоколада, ни мармелада, а только маленьких детей...» Тьфу! Это уже какое-то извращение с людоедством и педофилией напополам! Я – честный демон, девочка, и ты меня очень... очень... разозлила-а-а!!! Где он?!

– Свердлова, четырнадцать, квартира сто шесть, – быстро выдала девица.

– Другое дело, – скромно улыбнулся я, приняв свой человеческий облик. – Детишки, гули-гули, уси-пуси, злобному дяде-демону пора по делам.

Малыши разулыбались, словно им дали по конфетке. Увы, конфет у меня не было, но в следующий раз буду брать их на работу, мало ли.

– А я?

– А ты, смертная, сейчас же идёшь звонить в органы опеки, передаёшь им детей и пулей летишь на перекладных автобусах в Дивеевский монастырь, скажешь, что я послал. Там тебе объяснят, как жить дальше.

– Но...

– Но я! Я! Тебя проконтролирую! – Мне удалось, не меняя облика, изобразить отсвет адского пламени в глазах. – Помни имя моё...

– Абифасдон, – с восторженным придыханием озвучила девушка. – Я всё сделаю, как вы приказали, мой господин!

На миг мне захотелось тут же придушить исполнительную идиотку. Жаль, времени мало, да и Азриэлла ждёт.

Аполлинару Ясного я застал дома, на кухне. Он легко распахнул для меня двери, услышав, что всё исполнено и требуется лишь его подпись под аннулированным договором. Наивный и самоуверенный тип. Думает, нотариусы решают всё.

Первым делом я заставил его при мне сожрать все нотариально заверенные бумаги. Потом вызвал бригаду бесов-дефлораторов с адскими псами для пушного эффекта и со всевозможной помпой доставил грешника на стол в кабинете шефа...

Мне выписали двойную премию.

Глава 2

Бабушка

Я тупо отмокал в ванне с серной кислотой, прихлёбывая чёрный польский самогон.

Нервы были настолько взвинчены, что если бы сейчас мне позвонили с работы, уговаривая взять срочный вызов, то я бы сначала вырезал всю телефонную станцию, а потом, пересев на танк, в пять выстрелов бронебойными раздолбал бы нашу контору судебных приставов Пекла и ещё до утра разравнивал гусеницами останки здания, превращая всё уцелевшее в пыль и прах! А почему у меня такие нервы?

Если кто не понял, то Азриэлла сказала, что к нам едет тёща. В смысле её мама. Надеюсь, все помнят пошлые российские анекдоты про зятя и тещу? Ну так вот представьте, что у нас в Аду оно всё то же самое, только в сто пятьсот раз круче, как выражаются современные пользователи разных соцсетей.

Да! Раз уж зашла речь, то никогда, никто и ничто не облегчало нам задачу соблазнения человеческих душ, как те же «ВКонтакте», «Одноклассники», «Мэйл.ру», «Твиттер», «Фейсбук», ЖЖ и прочее. Раньше все слабости человека приходилось выявлять на месте, самим, лазая по архивам, а теперь достаточно заглянуть на его страницу. И вот оно, всё! Фото, друзья, привычки, работа, слабости, предпочтения, признания, грехи, проступки, места отдыха, гастрономические привычки, любовь, ненависть, личное, да всё что угодно!

Альберт говорил, что в его ведомстве с ног сбиваются, потому что дежурных ангелов быстрого реагирования уже на всех не хватает. Люди через Интернет, сами, без посредников, прямой дорогой идут к нам в Ад. И кто им запретит? Никто!

Ибо им, как вы помните, самим Господом даровано право выбора между Злом и Добром! А также они искренне убеждены, что прекрасно умеют отличать одно от другого. Ну, по крайней мере, им так кажется.

– Дорогой?

– Я занят. Имеет мужчина право после работы тупо утопиться?

Дверь в ванную бронированная, и сама Азриэлла наверняка на цепи, хотя после рождения нашего малыша она стала непривычно мягкой для демонессы. Речь, разумеется, о характере. Слава мне на лысину, её кожа всё такая же жёсткая и шершавая, как ступни старой американской гиены, когти острее ножей, а запахом изо рта можно убивать за три метра. Пусть хоть что-то в этом мире остаётся неизменным.

– Милый, выходи, – шёпотом взмолилась моя жена, чтобы не разбудить ребёнка. – Она уже у подъезда стоит, с двумя сумками, а я на цепи не дотянусь!

Тут не поспоришь, запоры у нас в доме серьёзные, без кодового слова, обновляемого раз в неделю, незванный гость может быть размазан упавшей бетонной плитой ещё на входе. Кстати, плиты у нас хорошие, импортные, из Древнего Рима, ещё со строительства Колизея запаслись. Я быстро вылез, накинул на плечи домашний халат, поверх него проверенный бронежилет, винтовку за спину, пару гранат на пояс, армейский нож в зубы и, нежно улыбнувшись жене, покачивающей кровать Захарии, пошёл впускать в наше семейное гнездышко стихийное бедствие – тещу. Что я делаю, кто бы знал...

– А вы слышали, что, по мнению историка Задорнова, слово «тёща» произошло от слов «тише» и «ещё». То есть «ещё тише», – как можно деликатнее намекнул я, впуская милую

маму моей супруги в дом. Хотя лично мне всегда казалось, что «тёща» это от словосочетания «та ещё...».

Поверьте, старая вешалка слишком зажилась даже по меркам Ада. Упёртая старуха, ветеран ещё демонско-ангельских войн, шесть рядов медалей на груди (по праздникам Дня независимости Пекла), спортивный образ жизни и прописка в тихом районе, куда даже я не рискую заходить без гранатомёта. Стреляет на голос, владеет ста семнадцатью ступенями рукопашного боя, ранена бог знает (даже Он не знает!) сколько раз и сшита пьяными хирургами заново.

Всегда была категорически против нашего брака – семейный тотем «самка богомола», то есть после секса просто откусывала очередному мужу голову. Ну что я вам объясняю, каждый третий в России и так меня поймёт, посочувствует, хлопнет по плечу и предложит выпить. Уважаю, братаны...

– Выродок ещё не сдох?

Вместо ответа я просто прищемил ей дверью нос.

– Ясно, – без обид ответила «наша мама». – Пусти к дочери, гад, имею право!

– Азриэлла будет так рада, – ни на йоту не соврал я, дипломатично не озвучивая собственную реакцию. В смысле моё мнение относительно вызовов «любимой тёщи» вы знаете. Но, боюсь, и она тоже.

– Хотя мне-то чего бояться? Я у себя дома!

– Чё ты там сказал-мякнул-прочирикал, зятёк? – Мне в живот упёрся ствол автомата «узи».

– Что я у себя дома, – нежно напомнил я, вырывая чеку из гранаты и поднося ей к уху. – Если в результате случайного выстрела с вашей стороны я вдруг разожму пальцы, то, как говорят крымские татары, вам таки кирдык!

– А кто к нам пришёл? Мама-а. – Из кухни высунулась всё ещё прикованная к батарее Азриэлла.

Мы с тёщей переглянулись, убрали оружие и дружно сделали вид, что просто обнимаемся.

– Милый, ты у меня такая прелесть.

С рождением малыша Азриэлла стала неприлично сентиментальной для демонессы. В нашем кругу это выглядело как-то... слишком откровенно, что ли. В любом случае, сюсюкая с Захарией, она становилась столь наивна и незащитна, что у меня практически замирало сердце. Её убьют...

– Азриэллочка, дочечка! Ну, признавайся, плутовка, где мой внук?

Если я минутой раньше говорил, что моя жена стала доверчивее, это не значит, что она безнадёжно поглупела.

– Мама, родная мама! Дорогой, возьми её на прицел. Если дёрнется, стреляй без предупреждения.

– Дочка-а...

– Да, мамочка-а! Будь добра, надень наручники и намордник, они в правом верхнем ящике комода в прихожей. Лучше сама надень, не провоцируй. Ага. Спасибо. Я знала, что ты поймёшь. Люблю тебя, мамуля-а...

Возможно, мне следует кое-что пояснить. Ну, типа там вдруг вы не знаете самого элементарного? У демонов редко рождаются дети. Просто увеличение демонического поголовья не входит в планы Всевышнего и вполне себе устраивает нашего властелина. Если

же малыш чудом рождается, то родители не позволяют сожрать его другим демонам лишь потому, что сами намерены зажарить его, когда тот прилично наберёт вес.

А теперь представьте себе, что должна ощущать старая, уважаемая демонесса при виде не просто ребёнка, а человеческого детёныша?! Единственное, на что остаётся уповать, так это на крепость наручников и надёжность намордника. Ну и Азриэлла, сама бдительность, разумеется, не подпустит слишком близко свою маму к колыбельке.

– Да, шеф. – Телефонный звонок воззвал ко мне в самое неподходящее время. – Разумеется, но... Да. Да. Само собой, если такие шикарные предложения. Нет. Нет. Я еду. Адрес? Понял, получу у многоногой секретарши. А вы экстремал, шеф, она же... Понял. Заткнулся. Не моё дело. Отправляюсь по вызову!

– Дорогой? – обернулась ко мне моя жена.

– Веган, – коротко бросил я, лихорадочно переодеваясь. – Срочный вызов. Двойная премия! Парень уже почти кормится солнечной энергией, но на улице третий день дождь. Его не устраивают пункты договора, требует переписать.

– Иди, любимый, тебе полезно есть поменьше мяса.

– Веган, говорю же. Какое мясо по определению? Кости одни.

– Будут вкусные хрящики, возьми домой.

– Разумеется, милая.

Мы церемонно расцеловались на расстоянии так, чтобы она не прокусила мне щёку, а я не свернул ей шею. Тёща тихо сопела в углу, пуская носом пузыри сквозь намордник, и красный шарик на ремнях, зажатый меж её зубов, выразительно говорил о том, что к вопросам сохранения семьи моя супруга подходит очень серьёзно.

– Вернусь как можно скорее! – с преувеличенной бодростью в голосе пообещал я, выскакивая из квартиры в подъезд. На первом этаже уже выстроилась в ряд целая очередь из восьми бабулек с тарелками в руках.

– А что ж малыша ещё не разделали?! Охти мне, тянут и тянут...

– Не дождётесь, – объявил я, прямым ударом в челюсть сбивая первую так, чтобы дальше они валились на манер карточного домика.

Старушки-демонессы посыпались в доминошной прогрессии, хихикая и матерясь. Что ж, и в их возрасте, да на пенсии, по зубам получить и то развлечение. У нас в Аду с культурной программой негусто, певцы рока и попсы уже и здесь всех достали, а вопящие грешники такие спектакли в котлах отыгрывают, что никакого театра не надо.

За моей спиной слышалось счастливое щебетание умилённой Азриэллы и приглушённый рык её мамочки. За крошку Захарию я не волновался, если тёща покажет ему хоть один зуб – дочь не задумываясь оторвёт мамочке голову, зафутболит на Марс, и любой суд её оправдает. Хотя какие здесь суды и судьи, можно только обняться и поплакать...

– Вот адвокаты у нас хорошие, – бормотал я себе под нос уже наверху, в человеческом мире, садясь за руль старенькой иномарки. – Недаром считается, что если Суд и Справедливость от Бога, то все адвокаты однозначно от дьявола. В своё время мы провели такой эксперимент в Нью-Йорке, теперь благословенные США стоят на первом месте по количеству преступников и адвокатов на душу населения. Горжусь ли я этим? О да!

В этом городе мне редко нужен навигатор, я получил сюда назначение ещё во времена Ивана Грозного. Кстати, хороший был царь, истерик и психопат, но интересы государства ставил превыше всего! В сравнении с политиками современной Европы имел нереальный уровень самостоятельности.

– Как он там ответил английской королеве? – пустился вспоминать я, вырвав на главную улицу, адресат находился в центре. – Великий московский государь просит вашей руки! А она ему: типа ой, я бы рада, но палата лордов против. Отказала самым деликатным английским способом? Фигу! Просто потому, что не хотела замуж за «русского тирана». А он ей в ответ: простите, ошибочка вышла! Я-то думал, что царицу под венец зову, а не служанку каких-то там лордов. Подчиняйтесь им и дальше, а нам такого добра и задаром не нать, и за деньги не нать!

С трудом припарковавшись у магазина «Погребок», я оставил машину, потому что дальше проще пройти пешком. Погодка отличная, почему бы и не пробежаться? Вопреки всеобщему заблуждению приставы Ада не ведут разгульный и свободный образ жизни.

Наоборот, начальство вечно гоняет нас в плане спорта, здорового питания, требуя поддерживать себя в хорошей форме. Почему?

Ну, учитывая, что мы в любой момент можем столкнуться с ангелами быстрого реагирования, такие требования очень даже разумны. Хотя, по совести говоря, совершенно бесполезны. Ибо они нас били, бьют и будут бить. Это же ангелы. Что с ними сделаешь?

– И всё-таки я люблю Ивана Грозного, – непонятно кому и зачем поведал я, нажимая кнопку домофона. Раз. Два. Молчание. Но ведь этот гад стопроцентно дома, уж мне-то врать не надо, я его щавелевый суп без маргарина за километр учуял.

Вскоре меня впустил подошедший дед-ветеран, которому я честно сказал, что иду вытрясать душу предателя Родины из двадцать восьмой. Поднялся на лифте, кошек в подъезде не было, а они единственные, кто может видеть нашу истинную сущность. За что ж ещё, как вы думаете, их обожествляли в Древнем Египте? За нежное мурлыканье, что ли, ой, не смешите меня...

– Вениамин Викторович? – спросил я, когда после восьмой длинной трели звонка за дверью раздались слабые шаркающие шаги.

– Да. Кто там?

– Журнал «Веган и жизнь». Вы получили бесплатную подписку на три года, набор вегетарианской посуды из экологически чистых биоматериалов и новый коврик в ванную. Надеюсь, у вас водосберегающий душ? Если да, то откройте дверь и распишитесь в получении.

Через пять-шесть-семь (как он меня достал!) минут дверь наконец-то распахнулась.

– Могу войти?

– Да, – прошептало бледное привидение за порогом.

– Простите великодушно, но наши правила очень строги на этот счёт – никакого давления! Вы меня понимаете?

– Понимаю.

– Отлично, тогда просто пригласите меня войти.

– Да, конечно, заходите, пожалуйста, – послушно повторил этот идиот.

Люблю коммунистов, веганов и родноверов – лёгкие задания, а премия двойная. В этот раз тоже никаких таких особых хлопот не ожидалось.

– Вы говорили про...

– Вениамин Викторович, – переступив порог, я предстал перед ним в своём истинном облике, – два года назад вы заключили договор на продажу души с целью похудения. Последний пункт гласил, что когда вы доведёте свой вес до тридцати восьми килограммов, – между нами говоря, даже суповой набор бывает побогаче, – то некая гражданка Лайма

Тарасова из Минска, с которой вы поспорили, первой заценит вас на «Фейсбуке». Так она поставила свой «лайк» или у неё также нет сил нажать пару клавишей?

– Она? – Молодой человек или то, что от него осталось, изобразил мыслительную деятельность. – Я её не помню. Кто она?

– Мать вашу, люди?! Ты продал душу ради мнения о себе какой-то там дуры, которую сейчас вспомнить не можешь?! О-о-о, ты наш человек.

Вы жмакали ворот шубы,
И, целясь в мои глаза,
Макали губами в губы
И в то, что вааще нельзя... –

запел мой сотовый.

Я попросил прощения и вынужденно отвлёкся:

– Да, любимая.

– Абифасдон, ты уже освободился?

– Нет, я ещё всю на работе.

– Ой какая жалость.

– В смысле?

– Ну, я сижу себе вся такая в мини, чёрном и кружевном, по улице Ленина, в «Академии пива» и жду какого-нибудь элегантного мужчину, который составит мне компанию. Как думаешь, мне долго его ждать?

Предложение было более чем незауалированным. Всё, что у меня могло подняться, воспрянуть и встать, заполыхало огнём любви.

– Буду через пять... э-э-э, то есть ты в городе?

– Конечно.

– А малыш Захария?

– С ним посидит моя мама.

Всё, что минуту назад поднялось, рухнуло навзничь.

– Ты оставила ребёнка с этой демонессой?! Она же просто сожрёт нашего сына! – в полный голос взревел я.

– Я же... любимый, но это же... – В обольстительном голосе Азриэллы впервые прорезались тревожные нотки. – Она же моя мама и он её внук! Он ей так понравился-а...

– Слушай сюда, недоносок. – Я отключил сотовый, резко обернувшись к клиенту. – Сиди здесь тихо, как мышка! У меня срочные дела дома, но я ещё за тобой вернусь.

– А набор вегетарианской посуды? – пробормотал этот тощий псих.

Пришлось пообещать, что за ним и еду.

Уже в машине я вновь набрал Азриэллу.

– Любимый, отвали, не до тебя! Я срочно еду домой!

– Я тоже. Где тебя подхватить?

– Будь на перекрёстке Ленина и Мусы Джалиля через пять минут.

– Буду через три!

На деле, нарушив семнадцать раз правила дорожного движения, я подхватил её через две с половиной.

– Почему ты ушла из дома?

– Потому что я не могу сидеть как привязанная с ребёнком и только с ребёнком! Все девчонки на форумах пишут...

– Они дуры!

– А ты мужлан, сатрап, сноб и женоненавистник! Ты не хочешь меня понять.

– Нет, не хочу! Потому что там мой сын наедине с твоей психованной мамашей, ненавидящей всё мужское!

– Неправда!

– Да неужели?! А подскажи, ты хоть раз видела своего отца? Нет! Потому что мать твоя вспорола ему брюхо сразу после твоего зачатия!

– Не смей на меня кричать, – бессильно разрыдалась Азриэлла, а мы уже въезжали в Пекло.

До нашего района было рукой подать, и уже издали слышались вопли сирен машин «скорой помощи», отрывистые пулемётные очереди и разрывы гранат.

Что тут происходит? Если они хотя бы перебили сон моему мальчику, я взорву весь квартал! Но первое, что мы встретили у подъезда, это выносимую двумя дюжими чертями-санитарами нашу неубиваемую тещу!

– Что тут было?! – взмолилась Азриэлла, бросаясь по ступенькам вверх.

– Шесть трупов, – гордо отмахнулась мать моей жены, залитая кровью с головы до пят. – Мальчик спит. Абифасдон?

– Да.

– Короче. Я хотела его съесть. А что?! Имею право! Но тут в дверь стали долбить ваши ненормальные соседки и требовать свою долю. А он проснулся и... улыбнулся мне. Ручки протянул. Глаза огромные, голубые-голубые. Я его в лоб лизнула, взяла на кухне два столовых ножа, вышла из квартиры и в рукопашную!

– Мама-а. – Я впервые пожал её когтистую руку и, обернувшись, чтобы скрыть выступившие слёзы, рявкнул на санитаров: – Смотрите у меня там! Чтоб в лучшем виде заново собрали! Это вам не какая-нибудь теща, это наша... мама!

Азриэлла показалась в окне с заспанным малышом Захарией на руках. Мы успели.

Через полчаса я вернулся за своим веганом.

– Так, мужик, у меня сегодня нереально хорошее настроение. Выбирай одно желание! Кроме аннулирования договора, разумеется.

– А что можно?

– Ну, допустим, небольшое изменение или пролонгацию лет на десять-двадцать-пятьдесят.

– О, круто! Тогда я могу просить два веганских набора посуды, верно?

– Верно. Но твою душу я заберу уже через час.

– То есть я успею потушить брюссельскую капусту?

P.S. Обожаю свою работу!

Глава 3

Злые медики

Я помню только то, что из покорёженной машины меня вырезали автогенном. Да, если демон по вызову срочно едет на своей скромной иномарке, а его подрезает какой-то пьяный урод, и два авто, в едином порыве врезаясь в дорожное ограждение, превращаются в одну сплюснутую консервную банку, это не значит, что ни хрена со мной не сделается!

На тот момент я пребывал в человеческом облике, а значит, чисто по-человечески был раним, уязвим и хрупок. Как опытный водитель (ещё гужевого транспорта), я сделал всё, что мог, но если представить, какие чудеса с нами творит желание жить, то можно признать, что сделано мною было много, и даже сверх возможного. То есть я уцелел!

Меня вытащили в крови из не поддающейся восстановлению тачки, насчитали восемь переломов (открытых, закрытых, всяких), обкололи чем-то болеутоляющим, под капельницей повезли в больницу. Всю дорогу пожилой фельдшер бил меня по щекам, крича матом:

– Не спать, мужик! Сдохнешь на хрен, если уснёшь! Не спи, сука, держись! Держись, кому говорят.

Если б я не был под кайфом от обезболивающего, то непременно дал бы ему в ухо сдачи. В конце концов, мог бы в любой момент принять свой истинный облик и просто растерзать хама, если б не понимал, что в данный момент он спасает мою жизнь. Жизнь случайного, никчёмного и никому из вас не нужного демона, попавшего в аварию. Это не кокетство, это трезвое осознание реалий. Да у меня, если вдуматься, и полиса-то нет.

– Не спать! – Кто-то вновь начал орать мне в ухо, и в руку сделали жутко болючий укол. – Жить хочешь? Хочешь!

– Да. – По-видимому, это сказал я.

А может, просто мне показалось, что сказал, потому что вряд ли кто вообще сейчас мог бы слышать мой голос. Только на миг смежил глаза, как получил две такие пощёчины, что едва не рывкнул на санитаров матом с пламенем.

– Не смей спать! Приехали уже... ещё немного. Забирайте его! Кто сегодня дежурит?

– Соколовский, – ответил чей-то голосок, и меня понесли на носилках куда-то к свету.

– Свезло мужику, – раздалось вслед, – Соколовский и не таких после аварии по косточкам собирал. Не хирург, а мастер «Лего».

Я смотрел на всё это мутнеющим взором, задним умом понимая, что моя человеческая оболочка в любой момент может отказать по полной. Не то чтобы это так уж страшно...

Поясню: как человек, я сто пятьсот раз умирал, был убит, сожжён, порублен на куски, расстрелян или повешен, люди безумно любят уничтожать себе подобных. Потом моя демоническая сущность вырывалась на свободу, и какое-то время приходилось подыскивать себе подходящий человеческий образ. Вот этим, например, я пользуюсь уже почти лет сорок, меня устраивает, процессы старения замедленны, за любым телом уход нужен, и я в этом деле очень щепетилен. Не как Альберт, конечно, но...

– На стол, срочно. – В лицо мне ударили пять солнц. – Мужчина, вы меня слышите?

– Слышу, – вполне себе внятно ответил я.

– На операцию согласны?

– Ну не знаю, а-а...

– Согласны. – Надо мной навис человек в белом медицинском халате. – Наркоз! Сколько пальцев у меня на руке? Считайте в обратном порядке.

– Пять, четыре, три-и... дв...

Дальше ничего не помню. Пришёл в себя, привязанный за руки и ноги к металлической кровати. Живой. Я живой.

– Бомж, что ли? – Откуда-то доносились слабые женские голоса.

– Да кто их разберёт, на вид приличный человек, а полиса нет и паспорта тоже.

– Точно, бомж.

– Да говорю же, одет хорошо, побрит, подстрижен. Машина вроде как всмятку, поди, со всеми документами. А этого привезти успели, хорошо, Иван Николаевич дежурил.

– Это да! Этот с того света вытащит. А кто привёз?

– Пашкина бригада. Матерщинник он и грубиян страшный, но ведь дело-то знает.

Я закрыл глаза. Интересно, сколько времени я тут валяюсь? Азриэлла, наверное, с ума сходит, переживает. А может, кстати, и нет, у неё есть кем заняться, по сути, малыш отнимает всё мамино время.

К тому же, честно говоря, я и раньше задерживался на работе, не звоня по два-три дня. Будем надеяться на лучшее, пусть она считает, что я весь в делах, пьянствую с Альбертом, загулял по бабам, и совершенно не волнуется, потому что от волнений, как говорят, может пропасть молоко. Оно нам надо? Нет!

Я подумал и решил, что вот это моё человеческое тело мне вполне ещё понадобится. Просто ему нужен короткий отдых и уход. А уж как умеем регенерировать мы, демоны, это отдельная песня! Короче, мне стоило задержаться в больнице хотя бы на сутки.

Но то, что я услышал и чего наслушался в эти двадцать четыре часа, полностью изменило моё отношение к отечественной медицине и людям, которые в этой стране взвалили на свои плечи нелёгкий крест медика.

– Доктор, примите меня!

– В порядке очереди.

– Какая очередь, там одни пенсионеры! Им всё равно делать нечего, пусть постоят! А мне надо, я спешу...

– Что значит, вы не можете поставить диагноз?

– Ну вы же ничего не говорите.

– Говорю: мне плохо!

– Так мне нужно осмотреть вас, направить на анализы, понять причину...

– Ага, то есть просто слов «мне плохо» вам уже недостаточно?! Коновалы-ы!

– А вы можете сказать моей жене, что я заражён сифилисом в научных целях?

– И дед мой пил мочу, и прадед, и его прадед, и я пить буду.

– Ради бога. Хотите – пейте! Зачем же вы ко мне пришли?

– Чтоб вы меня отговорили!

– Ничего не понимаю! А вы сами знаете, что уринотерапия это ненаучно?

– Дед мой пил мочу, и прадед, и его прадед, и я пить буду!

– Все вы врачи-убийцы! Моя тётка у вас лечилась, а в девяносто семь-то и померла!

– Принимайте вот эти таблетки. Три раза в день, до еды.

– А можно после?

– Лучше до.

– А если я после?

– В чём проблема? Вы не можете выпить таблетку и сесть за стол?

– Могу. Фигня вопрос! Легко! А может, всё-таки после еды?

– Да почему?!

– Чё-то... я не знаю... а вдруг...

– О'кей. Хорошо. Пейте, когда хотите.

– Вот я так и знал, что вам, врачам, всё равно. Я жалобу писать буду!

– Нет моего согласия. Вам, хирургам, лишь бы резать, мясники!

– Да у вас перитонит уже!

– А мне адрес экстрасенса Капшировского обещали. Он такие вещи на расстоянии, по телефону лечит, не то что вы, а ещё клятву Домкрату давали-и...

Возможно, для многих было бы лучше, если бы я умер. Потому что к двенадцати ночи чаша моего терпения переполнилась. Мы же не ангелы, у нас вообще со всепрощением туго.

В общем, я просто отвязался, принял свой истинный облик и пешим строем прошёлся по палатам. Кое с кем надо было серьёзно побеседовать. Наутро главврач был поражён резко изменившимися в лучшую сторону шестью пациентами, а также заявлениями ещё от троих с требованием срочно перевести их в психлечебницу. Ха, можно подумать, мне туда хода нет...

После утреннего осмотра меня выписали. Альберт на своей роскошной тачке ждал в больничном дворе.

– Друг мой, надеюсь, ты в порядке?

– В полном, старик! Вот только машину придётся требовать новую. Но уверен, мой шеф раскошелится.

– Ох, ты убедил кого-то из этих несчастных больных продать душу?

– Альберт, стыдись, – проворчал я, усаживаясь вперёд на пассажирское сиденье и накидывая ремень безопасности. – Моя задача выбивать долги, а не склонять грешников к торгу и искушениям.

Золотоволосый ангел почти минуту смотрел мне в глаза, убедился, что я не вру, и мы спокойно вырулили с территории.

– Тебе домой?

– Нет, мне в ближайший супермаркет. Я задолжал некоторым людям, а для нас, демонов, это неприемлемо. Подкинешь денюжат?

– Конечно.

– Я верну!

– Разумеется.

Он мог бы добавить «а куда ты денешься?», но не стал, ангелы вообще очень вежливые, у них это в крови. Мы заехали в большой магазин и отоварились по полной. Ящик французского коньяка для доктора Соколовского, два ящика армянского для той бригады «скорой помощи», что меня сюда доставила, и три ящика шампанского медсестрам.

В больнице меня приняли как папу римского! Поговорив пять минут с хирургом Соколовским, Альберт полностью простил мне долг. По-моему, он даже немножечко испугался, что мог вообще потерять меня как друга и грушу для битья. А мы курили с санитарями и здоровяком Пашкой, тем самым, что бил меня по щекам и не дал уснуть.

– Братуха, такая работа, что порой... ей-богу... забил бы на всё! Люди сволочи, что друг с другом делают, сказать страшно, да ты и не поймёшь...

– Я? О, я-то как раз пойму, – пробормотал я и попросил сотовый. – Жене позвонить надо, сказать, что живой.

Мне без колебаний протянули сразу три телефона.

– Святое дело, звони!

Это Россия, провинция, глушь. И я хочу здесь жить.

Глава 4

В шкуре ангела...

Несколько дней спустя мы с моим крылатым приятелем сидели в небольшом уютном кафе «Шарлау». Считалось, что после войны одна тысяча восемьсот двенадцатого года на территории Российской империи осталось несколько тысяч пленных или дезертировавших солдат великой французской армии. Пилить домой, в разорённую Европу, никто особо не стремился. Ради пропитания бывшие вояки нанимались учителями, кондитерами, портными, виноделами, ну то есть кто что умел по жизни.

Вроде как один из таких бывших наполеоновцев и основал в нашем городке маленькую французскую кондитерскую. Лично я этого не помню, так что вполне может оказаться и мифом, но Альберт уверяет, что хорошо знал первого хозяина заведения.

– Капучино, как всегда, – заказал он. – И двести французского коньяка моему другу.

Официанты обоих полов млеют от Альберта. Мало того что он голубоглазый блондин с атлетической фигурой и безукоризненными манерами, он ещё и ангел. А им можно всё.

– Коньяк дагестанский, – лизнув длинным языком янтарную жидкость, объявил я. – Но нет, менять не надо, скандалить тоже не будем. В конце концов, ты угощаешь.

– Аминь, – улыбнулся он.

– Не тупи!

– Э-э-э...

– Дружище, ты вызываешь меня в мой законный выходной, практически отрываешь от дома и семьи, ведёшь в тихое кафе, заказываешь сразу двести грамм, и я наивно верю, что тебе от меня ничего не надо. Угу. Нашёл дурака за четыре сольдо.

– Абифасдон, понимаешь...

– Кстати, коньяк уже закончился.

Он безропотно затребовал целую бутылку, ещё раз светло и виновато улыбнулся, а потом в лоб попросил:

– Подмени меня.

Я поперхнулся, огненная жидкость пошла не в то горло.

– И... щё р-з, поффтори-и?

– Я прошу тебя подменить меня на работе. Всего один день! Да и то неполный, так, часа на три-четыре.

По-моему, это был не коньяк, а подкрашенный фруктовый чай. Ну не бывает же так, чтобы демон (в человеческом обличье) не задумываясь выглохтал всю бутылку из горла, и ничего! По крайней мере, на моей памяти такого не было.

– У нас с Анастасией годовщина, круглая дата, тысяча пятьсот лет в браке, – пустился торопливо объяснять мой друг, и под его умоляющим взглядом для меня принесли ещё одну бутылку. – Я хотел бы пригласить её куда-нибудь посидеть вдвоём, романтический ужин, хорошая муз...

– Обед, – на автомате поправил я.

– Прости, что?

– Никакого ужина, сейчас одиннадцать утра. Ты просишь демона исполнять работу ангела два-три-четыре часа. Так что никакого ужина!

– А-а, вот ты о чём. Да. Конечно. Романтический обед, хорошая музыка, разговоры о любви, глаза в глаза, быть может, даже немного шампанского.

– Я даже подскажу тебе приличную забегаловку.

– Что?

– Ничего, и так сболтнул лишнего.

– Так ты согласен? – Он поймал меня за руку и крепко, до хруста, сжал ладонь. – Ты настоящий друг, Абифасдон. Обещаю, если у нас вновь объявят облаву на демонов, тебя я убью последним!

– Да, – кисло согласился я, – наша мужская любовь чиста и взаимна. Хрен с тобой, белобрысый, чего надо делать?

– Сущие пустяки...

Мне одному кажется, что вот именно с этих слов и начинаются все неприятности?

Я преспокойно налил себе ещё двести и, уже практически ничего не соображая, приготовился выслушать свои обязанности на сегодня. Если совсем уж по совести, без лишнего трагизма, он прав, беспокоиться не о чем.

Я единственный пристав Ада на весь город и область! Если кто и доставляет проблемы моему другу, то это я. Если кого-то он и должен останавливать железной рукой, то это меня. Ну так неужели я не справлюсь сам с собой? Это не смешно, верно?

Более того, это глупо и нелепо даже чисто гипотетически! Я самый сильный демон на этом участке! Тут моя территория! Тут все моё! Гр-р-р!

– Ты нервничаешь?

– Нет, – быстро соврал я. – А что, так заметно?

– У тебя ухо дёргается и руки дрожат. – Альберт проникновенно похлопал меня по плечу. – Главное, не переживай, я всегда буду на связи, если что, сразу звони!

– Угу...

– Да, вот ещё, возьми.

Я поднял на него изумлённые глаза. Этот искуситель протягивал мне золотой перстень с печаткой – готический крест с двумя крыльями.

– Это знак нашего дивизиона, ангелов быстрого реагирования. Если вдруг наедут наши, сунь им под нос, отстанут.

Не-э, ну раз уж мне гарантируется безопасность и поддержка ещё и с этой стороны, то далее корчить из себя неприступную гувернантку уже неудобно. Да и три-четыре часа, в сущности, такая мелочь для вечности. Что может случиться?

– Я буду перебрасывать тебе свои вызовы на сотовый. – Попросив счёт, Альберт оплатил мой коньяк и оставил щедрые чаевые. – Ты даже не представляешь, как я благодарен тебе, дружище!

Действительно, я давно не видел его таким счастливым. Интересно, как же должна быть строга и регламентирована жизнь ангелов, если он готов на всё, лишь бы удрать со службы хоть один раз на несколько часов за века! Подумав, я вылил в пустой бокал остатки коньяка и набрал Азриэллу.

– Дорогой, любимый, единственный папулечка! Мы хотим тебя! Всего, сейчас и сразу! Приезжай срочно, я у тебя опять овуляшка! И мы с киской хотим мур-мур-мур!

Мысленно скрипнув зубами (или реально? как-то все притихли вдруг), я вспомнил, что ещё три дня назад моя жена записалась на какой-то бабский (не побоюсь этого слова!) сайт и там все тётки, девушки, женщины выражаются вот таким вот дебильным образом.

– Азриэлла, я как раз звоню предупредить, что очень занят. Вернусь вечером, не факт, что целый. Так что увы...

– У-у, ты скучный. Мои новые подружки, девули, овуляшки и кесарюшки пишут, что папуси часто теряют интерес к любимой ждюли-похудюли из-за рождения масика. А масик любит кушать сисю! Сейчас наелся и спит.

– Пусть набирается сил, – сентиментально вздохнул я. – Приеду вечером, сломаю тебе что-нибудь.

– Ты читаешь мои тайные желания, мой папик-лапик! Мечтаю о твоей сладкой палочке-выручалочке! Моя киска-риска-мурыска уже вся чавк-чавк...

Я покраснел, как мальчишка, и повесил трубку, всерьёз опасаясь, что прямо сейчас всё брошу, поеду сломать ей какую-нибудь конечность, не дожидаясь вечера. Кто придумывает эти сайты, кто на них ходит, зачем и, самое главное, хоть кто-то из мужчин выдерживает таких жён в реальной жизни? Ау?!!

Они ведь где-то есть, они с матом и слезами пытаются за уши вытащить своих половинок из компьютера, как-то спасти их от этого страшного «мамкиного» бреда. А может быть, все ещё хуже, эти печальные парни давно опустили руки и просто скрываются от нормальных мужиков.

Желание спешить домой резко отпало, в конце концов, здесь тихо, уютно, мухи не жужжат, комары не кусают и никто не пристаёт с глупостями. Эсэмэс, первые девять нот псалма «Велик Господь в гневе...» вернули меня к реальности. А она никогда не бывает радушной, по крайней мере, для нас, демонов.

«Улица Яблоневого Сада, 8, квартира 64, Мария Топоровская».

– И типа что? – сам себя спросил я. – Что мне, собственно, надо делать с этой тёзкой Богородицы, от чего спасать, от кого защищать, где подоткнуть одеяльце, куда налить горячего молочка?! Ох, Альберт...

Уже через семь или восемь минут я был на месте. Ангелы не представляются и не просят разрешения войти, им и так всё сходит с рук. Поэтому я оттолкнул бабку с двумя кошёлками, нырнул в подъезд, не зная кодового замка, и, пинком ноги вынеся дверь квартиры шестьдесят четыре (ничего не перепутал?), шагнул в прихожую, а там...

– Это я очень удачно зашёл, – вырвалось у меня, поскольку других, небанальных, слов на тот момент под рукой не оказалось. Штампы порой чаще слетают с языка.

Прямо из прихожей открывался отличный вид на гостиную, где на ковре, в кругу тупейше начертанной пентаграммы, сонно дыша, лежала молодая девушка в кружевной ночнушке. Рядом замерли четверо столь же легко одетых девиц, а входная дверь, отлетевшая вглубь прихожей, с головой накрыла собой одного из наших демонов-дефлораторов. Вот их тут было семеро.

Читали когда-нибудь в Интернете объявление типа: «Сделаю вам здорового ребёнка, анализы, документы и справки прилагаю, работаю только с девственницами»? Так вот, это они, бесы. Не самые плохие ребята, есть куда хуже (я, например), но в данном случае оно срабатывало в плюс, достаточно было всего лишь повысить голос:

– Ах вы, шелупонь беспонтовая, хорьки-суслики драные, жмурьё филистерское бракованное! Это что же вы без лицензии творите на моём участке, а?

Кто-то из бесов решил умереть героем, бросив мне в лицо:

– Да кто он такой, братцы? Ежели мы все вместе на него навалимся, то...

Я ладонью вбил его в пол через ламинат и железобетон. Ещё двое дефлораторов

отшатнулись от начинающей приходить в себя девицы.

– Прекрасно. Предлагаю считать себя сытыми и довольными, аутотренинг такой.

А теперь вам указать направление, куда вы должны пойти и где я желаю вас видеть?

– Сваливаем, парни, – безропотно объявил самый умный.

– Ибо! Если ещё раз увижу хоть кого...

– И чё? – едва не умирая от собственной храбрости, пискнул ещё один.

– Фантазируйте-э...

Бесы переглянулись, заценили, с кем связались, и по-быстрому смотали удочки.

С четвёркой подружек пришлось повозиться, они никак не желали понять, что, обратившись «к силам Тьмы светлым именем Маргариты», вряд ли можно хоть что-то получить в этой жизни. Ну, разумеется, кроме повышенного самомнения и букета венерических заболеваний.

– Имя моё Абифасдон! Я не ангел! Но! Поверьте, девочки, я гораздо хуже.

– Насколько? – пискнул кто-то.

– Вы себе даже не представляете...

Мне пришлось предстать перед ними во всей своей демонической красе! Из четырёх искательниц острых эзотерических ощущений три резко захотели в монастырь, четвёртая в психбольницу. Они выбежали из дома на четвереньках, в религиозном экстазе, воя, словно ополоумевшие баньши, за которыми, хохоча, гонится переевший грибов Слейпнир. Уж поверьте, я знаю, о чём говорю.

Гражданка Российской Федерации Мария Топоровская будет жива-здоровая, о чём я не преминул эсэмэснуть своему дорогому приятелю Альберту. Ответа, кстати, не последовало, но «сообщение доставлено» подтвердило, что он должен быть в курсе. Я вернулся в человеческий образ, деликатно перенёс девушку на диван, сунул ей под нос свою проверенную флягу и остался дожидаться результата.

Поясню: если кто поверил, что сбежавшие бесы простили меня и никуда жаловаться не будут, то вы невероятно наивны. Ждать пришлось недолго.

– Жертва-а!

Прямо из-под ковра неспешно выполз Гратон, здоровущий демон экстра-класса, нечто среднее между рогатой крысой и мускулистым шакалом с белой гривой, соседний отдел, службы доставки.

– Братик, шабат шалом!

– Воистину, шалом! Что надо на моём участке?

– Не пузырьрись, я всего лишь курьер. Девица проплачена, к тебе претензий нет, я просто по-быстрому перенесу её на другую кроватку. Не возражаешь?

– Возражаю. – Я принял свой истинный облик.

– Что ж, так даже интереснее, – не стал спорить он, наклоня бычьи рога. – Мы оба всего лишь выполняем свою работу, верно?

Я ушёл с линии прямого удара, развернувшись на пятке, и ребром ладони отломил ему правый рог! Вот вою было-о...

Пришлось напомнить, что здесь вообще-то человек спит! Гратон прикрыл зубастую пасть ладонями и послушно перестал орать. Я благородно вернул ему отобранный рог, предупредив, что в следующий раз вырву ногу. Чуть поскуливающий, но живой курьер исчез под тем же ковром, сквозь зубы обещая прислать кого-то посильнее. Но я всё слышу!

– Что же в тебе такого, Маша Топоровская, раз за тобой уже присылают курьеров частной доставки из Пекла? На маму нового мессии вроде не похожа. Да и не планировалось

ещё одно Пришествие. Чего же тогда им от тебя надо?

Пол явственно задрожал под ногами. Начинается. Я быстро набрал номер Альберта – «Телефон вызываемого абонента находится вне зоны доступа». Чудесно! Просто мечта, согласитесь! И девица, под носом которой лежит фляжка спирта пополам с нашатырем, даже не реагирует, нежно сопя сном праведницы...

Меж тем затряслись стены и потолок, а потом прямо из разреженного воздуха появился Цейнотус, старый демон среднего уровня. Мы не были знакомы лично, но я знал его, именно этой тупой, жабообразной туше с ядовитыми щупальцами мой шеф регулярно платит за «крышу» и отсутствие наездов налоговой. То есть вы поняли, кто он, а кто я? Уровни силы несопоставимы, как между щенком добермана и нильским крокодилом.

– Где девка? – рыкнул он, едва взглянув на меня.

– Прошу прощения, не хотел бы вам мешать, даже отчасти рад видеть, но, понимаете ли, меня попросили, и вот...

– Заткнись, я заберу заказ.

Ну, естественно, будет он слушать такую мелкую сошку, как я. Пылающий оранжевый взор вперился в безмятежно (вот как ей это удаётся?!!) спящую девушку, и покрытые гнойными язвами щупальца потянулись к её лицу. Я мысленно приготовился к испепелению, а потом тихо толкнул плечом шкаф. Сто пятьдесят килограммов прессованной древесины «Полесье» рухнули на два щупальца за спиной Цейнотуса. Вопль был такой, что все лампочки в доме полопались!

– Я же говорил, её нельзя трогать. Она под охраной ангелов.

Это были мои последние слова. Страшные щупальца сжали моё горло, приподняв над полом, а бешеные глаза старого демона запылали так, что у меня на щеках начала потрескивать кожа.

– Как ты посмел?! – очень тихо, но оттого ещё более жутко спросил он.

Даже если бы я очень-очень-очень хотел ответить, то не смог бы, воздух просто перестал проходить в лёгкие.

– Как ты посмел остановить меня, жалкая канцелярская крыса?!

Вот уж неправда. Мне по службе и дня не приходилось сидеть в офисе. Я даже не знаю, есть ли он у нас. То есть кабинет шефа есть, разделочный стол, секретарша в бикини, бассейн с кислотой и мини-коптилкой, это да, но вот офис как таковой...

– Мне стоило бы убить тебя сразу, наглая шавка, но теперь я хочу, чтобы ты мучился долго.

В отчаянии я принял свой человеческий облик, успешно выскользнув из захвата, и (не стану скрывать!) резко бросился наутёк, но щупальца настигли меня в прихожей.

– Играть со мной вздумал, щенок?

Туго схваченный поперёк груди, я на автомате сунул руку в карман в поисках ножа или кастета, потому что вдруг безумно захотелось жить. Средний палец скользнул в какое-то отверстие, и внезапно такая дикая боль пронзила всё тело, что я заорал благим матом и, не помня себя, ударил кольцом ангелов прямо между огненных глаз Цейнотуса.

– Ты чего? Больно же, – неожиданно всплакнул он, а меня уже понесло не хуже Остапа Бендера, только в другую сторону. Он тряс меня как куклу, а я дрался, и золотое кольцо ангелов быстрого реагирования полыхало божьим гневом! Не знаю, сколько раз я успел ему врезать, прежде чем сам едва не отрубился от боли.

«За тэбя калым аддам, душу дьявалу прадам, и как будта би с нэбэс минэ к тибэ толкаит

бэс...» – пропел мой сотовый. Эсэмэска от Альберта, как-то смеха ради я поставил на его номер ещё и этот глупый рингтон, чтобы не уставать от однообразия. Перевернувшись со спины на бок, я попытался осмотреться по сторонам.

Цейнотуса уже не было, охраняемая мною Маша Топоровская спала безмятежным сном в обнимку с моей же флягой. Наверняка её чем-то накачали. Не флягу! Ну вы поняли...

С воплем стянув золотое кольцо, я снова вернул его в карман. Мой средний палец на правой руке был похож на пережаренную сосиску-гриль.

– Ты мне звонил. Всё в порядке? – зачем-то вслух прочёл я.

«Да всё просто охрененно! – тупо набрал я в ответ. – Не спеши, отведи душу, в конце концов, когда вы ещё так романтично посидите».

«Спасибо, Абифасдон! Мы задержимся на часок?»

«Не...» – то есть я хотел написать «нет», просто не успел, поскольку кто-то вышиб ногой окно в кухне, и через мгновение передо мной встали четверо культуристически накачанных блондинов с огненными мечами. Ангелы быстрого реагирования, чтоб их...

– Ребята, вы уверены, что не ошиблись адресом? – уныло спросил я, прекрасно понимая, что сейчас меня будут бить.

– Молчи, лукавый демон! – выступил вперёд самый высокий, видимо командир взвода. – Ты не тронешь несчастную!

– И не собирался. Между прочим, я её даже охраняю.

– Ага, ты признался, что стережёшь её. Для кого?

– Блин, ну сказал же, не стерегу, а именно охраняю. Меня Альберт попросил.

– Демон не может исполнять просьбы ангела, как ангел не станет унижать себя просьбами перед прислужником Тьмы!

– Пошли вы на хрен. – Последнее почему-то меня задело. – Вот обзывать не надо, а? Я говорю чистую правду. Альберт – и, судя по вашим напряжённым мордам, вы его знаете! – чисто по-дружески попросил меня присмотреть вот за этой гражданкой.

– Он лжёт! Вся их семья – дети лжи! – переглянувшись упёртая четвёрка светоносцев.

– Да нате вам. – Кривясь от боли, я достал из кармана золотой перстень с крестом и крыльями. – Говорю же, меня...

– Он убил Альберта! – взревел главный, и, наверное, прямо тут стоило бы оборвать чрезмерно длинную историю моей жизни. Потому что по-любому я не справился бы ни с одним из этих крепких ребят, а их тут было сразу четверо.

Единственное, что я успел, так это вновь набрать своего друга, пока как сумасшедший бегал по стенам и потолку. Естественно, этот сукин сын с крыльями просто не брал трубку. Три пустых гудка, и меня сцапали. Почему не убили сразу, не знаю, возможно, хотели доставить куда-нибудь в штаб и после допроса торжественно расстрелять перед всем строем. С них станется...

– Ты за всё ответишь, грязный демон!

Да кто бы тут сомневался?! Хочу – не хочу, виновен – не виновен, кого и в какое время это волновало? Главное, чтобы всегда был найден крайний, а прочее – несущественные детали. У каждого своя справедливость, и тут брыкаться бессмысленно. Перед моим внутренним взором мгновенно пронеслась вся моя долгая жизнь. Последние кадры показали смеющееся личико малыша Захарии, которого я больше никогда не...

– Что тут происходит? – спросил величавый голос такой мощи и глубины, что схватившие меня ангелы невольно разжали руки. С потолка на нас взирали золотые глаза,

зрачок примерно метр в диаметре. – Отвечай ты, демон.

– Как вы догадались? Я же в человеческом облике.

– Отвечай.

Голос не изменился ни на йоту, но почему-то лично мне сразу стало ясно, не отвечу – всё, кирдык! Пришлось лаконично и подробно рассказать всё, что заставило меня прийти сюда и выполнять просьбу друга, невзирая на все малоприятные последствия. Соратники Альберта сжимали кулаки, но не перебивали и ни во что не вмешивались.

– Дружба Света и Тьмы, – задумчиво пробормотал голос. – Ангел и демон. Что ж. Быть может, это начало новой безжалостной войны, а быть может...

На пару минут повисла тишина.

– Это, конечно, слишком мелко для Высших сил, но не лишено интереса. Живи, демон Абифасдон, тебя никто не тронет. Как и твоего друга, твою жену и твоё дитя. Я хочу посмотреть, что будет. В последнее время мир стал таким предсказуемым...

– А эта девица? – вдруг ляпнул я, хотя следовало бы прикусить язык. – Разве она не представляет собой что-то важное?

– Для кого, для меня? – величаво удивился голос. – Боюсь, что она была избрана лишь с одной целью – проверить странную дружбу ангела и демона.

Глаза на потолке исчезли. Ангелы смущённо переминались с ноги на ногу. Когда телефон в моём кармане зазвонил снова, я просто передал трубку главному из четвёрки. Они недолго говорили, и после этого блондины ушли, хотя я так и не дождался от них извинений. Но, быть может, мне просто стоило быть понастойчивее.

Альберт заявился примерно через полчаса, когда я уже худо-бедно навёл порядок в квартире. Ума не приложу, в какие игры у них играют на более высоких уровнях и зачем кому-то там устраивать вот такие проверки дружеских отношений между ничего не решающим демоном и постоянно подотчётным ангелом? Девушка начала просыпаться, и мы с Альбертом быстренько покинули помещение.

– Как посидели?

– Чудесно. Мы пили кофе на берегу реки, любовались закатом и вспоминали, как познакомились.

– Брр, какая-то бабская сентиментальность. Ты вроде собирался угостить жену вином?

– О да. Мы действительно пригубили по полбокала фанагорийского совиньона.

– Тупо по глотку сухого белого? Даже не красного креплёного. Ну хоть потом вы?..

– Чего?

– Ну, в смысле ты её?..

– Поцеловал.

– И? Ты поцеловал её, она тебя, и всё завертелось, да?!

– Да, немного кружилась голова.

– О дьявол и преисподняя! Я тут дрался, орал на всех, подменял тебя, влез в конфликт с «крышей» моего шефа, нарвался по самое не балуйся, а вы там даже ни разу не трах...

На этот раз Альберт понял, о чём я. Домой пришлось лететь практически кувырком с синим бланшем вполлица! Вот что за жизнь, скажите на милость?! Но когда проснувшийся, сытый и выкупанный Захария смотрел на меня нежным взглядом, пуская счастливые пузыри, я вдруг понял, что день в целом удался.

По крайней мере, хоть кто-то искренне рад видеть папу-демона.

– Уси-пуси, съем, съем! – шутиливо рычал я, скаля клыки.

Мальш гукал и смеялся, Азриэлла, присев рядом, нежно прокусила мне ухо.
У нас семья. А вы говорите...

Глава 5

Вас ожидает гражданка Никанорова

– Дорогой, твой Альберт звонил уже четыре раза, и ещё два раза его жена. Может, ты всё-таки возьмёшь трубку?

– Облезет.

– Не то чтобы я против, – согласно кивнула моя жена, глядя по голове засыпающего Захарию. – Как любой нормальной демонессе, мне чуждо чувство благодарности. Но не забывай, что именно твои белобрысые друзья поставляют нам больше половины того, что требуется малышу. Следовательно?..

Я заткнул пасть, потому что нам и вправду требовалось немало.

Младенцы-демоны спят в пелёнках из крупной наждачной бумаги, пьют кислоту всех сортов, гадят где попало, орут как бешеные, всё время норовя выползти из колыбели, чтобы успеть сбежать, ибо взрослые демоны не особо церемонятся со своими детьми – кастрюля или гриль самый частый финал для молодого поколения.

Отчасти это разумно, количество демонов жёстко регламентировано волей Небес и Ада, перенаселение не выгодно никому. Людям в самой большей степени, хотя именно люди ничего в данном вопросе и не решают...

– Я возьму трубку, только если снова будет звонить Анастасия!

– Кто это?

– Как – кто, жена Альберта.

– О, ты уже знаешь, как зовут эту крашеную сучку, – ровно улыбнулась моя Азриэлла, и я почувствовал предательскую дрожь в коленях. – Имей в виду, любимый, я тебе все колокола оборву, в нос засуну, и ходи с гайморитом, как будто так и было!

– Не кричи, ребёнка разбудишь.

– Я и не думала кричать, я же шёпотом. Но ты меня понял, да?

Ещё бы. Психом конченным надо быть, чтобы не понять, сколь опасна ревность недавно родившей женщины. Тем паче ревность абсолютно беспочвенная, ибо где я, а где жена Альберта?! Гражданская война на два фронта мне в упор не пощекоталась. Тем более что в обоих случаях я буду гарантированно бит.

– Любимая, а не пора ли мне на работу?

– Конечно, счастье моё, но ты не ответил.

– Клянусь светом Люцифера – между нами ничего нет, не было и не будет!

– А?..

– А с Альбертом я помирюсь сегодня же вечером!

– Дай мне по зубам, милый, и иди на работу, – нежно проворковала Азриэлла, сменив гнев на милость. – Мы будем ждать тебя дома, не забудь витаминки и какого-нибудь вкусного грешника по дороге. Ты же знаешь мои вкусы.

Я послал ей воздушный поцелуй и швырнул чашкой в лоб, не рискуя приблизиться, после чего, пятясь задом, вышел из квартиры.

На самом деле мясо грешников она не ела с тех самых пор, как родила. Добрый доктор, если вы помните, предупредила, что это было бы вредно для молока. А поскольку жена кормила грудью, то я очень щепетильно относился к тому, что она ест.

Человечина (любая!) была для Азриэллы столь же запретна, как и тушёная свинина для правоверного иудея на Хануку. Ничего, от другой пищи малыш только рос и набирался сил. А мама возьмёт своё потом, когда полностью переведём Захарию на смеси и каши.

Честно говоря, я себе всё это весьма смутно представляю. Ну, в смысле что будет дальше – каши, прикорм, детское питание, подгузники, это всё ладно, справимся. А вот, допустим, где ему гулять в Пекле?

Представьте себе демонессу с колясочкой и пищащим крохой с погремушкой? Да на неё будет охотиться половина сотрудниц её же отдела! Про соседей вообще молчу, наша мама, которая моя тёща, успешно положила пятерых или шестерых самых активных. И всё-таки как выживать человеческому детёнышу у нас в Аду? Неужели по-любому придётся хоть каким-то образом переселяться наверх, менять образ жизни, работу, круг общения, лишь бы водить ребёнка за ручку в ясельки? Не знаю, не знаю...

Вместо разбитой в прошлый раз тачки мне выдали новую. В смысле такую же бэушную, но вполне бегущую чешскую «шкотовку». А что делать, везде кризис, начальство пересаживает работников на более скромный транспорт. Так что хорошо ещё, что не велосипед, и уже, как говорится, большое русское мерси!

Кстати, выпавшее сегодня задание, в принципе, было вполне стандартным – дама постбальзаковского возраста продала душу. Срок вышел, пора платить по счетам. Причина в договоре почему-то не указана, значит, всё стандартно – последняя любовь, роковая страсть, вовремя подсунутая под руку бумажка, подпись кровью. Устаревшая фигня!

Во-первых, давным-давно все подписи ставятся чернилами, во-вторых, в определённых случаях и договора не надо – пожелал, получил, чек к оплате по решению кредитора, но обычно пять-шесть лет минимум.

– Гражданка Никанорова? – спросил я через домофон.

– Да.

– Участковый Бельдыев, – нагло имитируя казахский акцент, соврал я. – Соседи жалуются на вас, шум, музыка, посторонние мужчины.

– Это неправда, – как-то устало вздохнула женщина. – Но заходите.

– Такая наша служба, – извинился я и вот тут уже не врал.

В девяноста восьми процентах случаев наша служба как раз и состоит в том, чтобы любыми средствами уговорить человека пустить таких, как я, в своё жилище. Причём абсолютно добровольно. Восьмой этаж, квартира направо, мне даже не пришлось нажимать на кнопку звонка, хозяйка просто стояла в дверях. Одета в домашний халат, немолодая, не очень красивая, но в глазах светится что-то такое...

– Заходите, пожалуйста.

– Зачем? – почему-то остановился я. – Можно и здесь поговорить.

– Заходите же. – Она сама почти силой втянула меня за рукав в прихожую, даже не удосужившись спросить про удостоверение.

Впрочем, их у меня много. Женщина приложила палец к губам и провела меня в комнату, там, в уголке у окна стояла маленькая детская кровать. Ребёнок спал в розовом чепчике, значит, девочка.

– А у меня сын, – невольно прошептал я.

– Сколько вашему?

– Три месяца.

– О, да вы молодой отец, – улыбнулась хозяйка.

– Раньше всё никак – дела, карьера, профессиональный рост, служебные обязанности.

– Понимаю вас, сама такая. Ждала принца, думала, вся жизнь впереди, а когда в тридцать пять родила Настеньку, то до меня дошло, сколько же времени я потеряла.

– Пройдёмте на кухню?

Она кивнула, и мы вышли на цыпочках, чтобы не разбудить ребёнка. Чаю мне предложили сразу, далее пошла малоприятная процедура разговора с человеком, который совершенно не понимал происходящего. Это тяжело, поверьте...

Я ей про договор о продаже души, а она мне про соседей сверху, которые включают шансон в двенадцать ночи, а потом жалуются, что их будит плач ребёнка по утрам. Принимать свой истинный облик было чревато, потому что визг перепуганной мамы на раз поднимет ребёнка, а моя Азриэлла как-то честно пообещала убить меня, если я только разбужу Захарию, которого она укладывала спать целых два часа. Я запомнил.

– Пожалуйста, Зоя Леонидовна...

– Просто Зоя.

– Не надо, гражданка Никанорова! Я на работе, поэтому без лишних фамильярностей. Итак, Зоя Леонидовна, где и когда вы подписали договор с Адом?

– Ах вот вы о чём. Но это же глупая шутка, подруга прислала по Инету, нашла типовой где-то в Сети. Но это ведь уголовно не наказуемо.

«О женщины!» – в очередной раз мысленно возопил я. Да, конечно же не уголовно! Но есть вещи куда хуже уголовного наказания! Вам мама в детстве не говорила, что всякие левые бумажки подписывать нельзя, а уж тем более – договор о продаже души?!

В этот момент у меня в кармане зазвонил телефон. Азриэлла. Видимо, ей реально нечем заняться дома.

– Милая, я на работе.

– Захария спит, но я волнуюсь.

– Что ещё?

– Помнишь, перед сном я всегда целую его пяточки? Они были сладкие, а сейчас сладко-кислые!

– Э-э-э...

– Вот только не говори мне, что у меня бабская истерика и это ничего не значит.

– У тебя бабская истерика, и это ничего не значит, – на автомате брякнул я, совершенно не отвечая за свои слова.

Наверное, меня бы там же разорвало взрывной волной из трубки, если бы хозяйка заботливо не уточнила:

– Это ваша супруга? Что-то с малышом, верно? Можно мне поговорить?

– Пожалуйста. – Я пожал плечами, передавая ей сотовый.

– Здравствуйте. Нет, я не доктор. Ваш муж пришёл ко мне и хочет что-то там уточнить по какому-то договору. Да, да! Вот и я ему то же самое говорю, ребёнок важнее всего! У вас ведь сын? А у меня малышка... да, спасибо, мне тоже. И что с ним?

Короче, если вы поняли, переговоры двух возрастных «молодых» мамочек длились час, если не больше. Я им был абсолютно не нужен и неинтересен. Они обсуждали какие-то свои женские штучки, детали, дела, говорили на непонятном непосвящённому языке, смеялись, рычали и даже пару раз плакали в голос. Когда мне наконец вернули телефон, последнее, что я услышал от Азриэллы, было:

– Если ты только пальцем тронешь эту милую женщину, домой даже не возвращайся!

Я тупо набрал Альберта.

– Можешь приехать и дать мне в морду?

Он не задавал глупых вопросов, просто приехал и дал. Вот что значит настоящий друг.

И ещё пообещал, что его отряд будет приглядывать за маленькой Настенькой и её мамой.

После этого я всё ему простил. Если когда-нибудь кто-то скажет вам, что миром правят «бабки», не верьте, миром правят мамки, а мы, мужчины, лишь вынужденно играем в их игры, делая вид, что наше участие им так уж крайне необходимо.

Но это самообман, на самом деле женщины прекрасно могут обойтись и без нас, мужчин, когда у них на руках смешно сопит в две дырки чистый и невинный младенец.

Да, выговор мне, разумеется, всё равно вlepили. Хотя мой шеф, как истинный фанат БДСМ, всё никак не мог понять, почему я не получаю удовольствия, когда меня бьют на службе? Он бы на такое тёплое местечко просто молился...

Мне пришлось подавить жгучее желание познакомить его с Альбертом. Перетопчется. Этот ангел мой друг, и точка! Всем прочим желающим просьба встать друг за дружкой и занять очередь на кладбище, я там вас убью...

– Кстати, тебя подвезти?

– Спасибо, у меня своя машина.

– Но в багажнике моей есть кое-что для моего будущего крестника.

– Мать твою, так ты воспринял это всерьёз?

– А ты шутил, говоря, что я буду крёстным отцом малыша Захарии?!

До дома мне пришлось идти пешком, с бланшем на вторую половину лица. Спасибо Альберту, что он не бьёт в одно место дважды. Хотя, кажется, конкретно в этом случае не прав всё-таки я.

Это всё равно моя победа, верно?

Глава 6

Колыбельная для сына

Я смотрел на ребёнка, он на меня. Оба не моргаем, дыхание тихое, глаза круглые, напряжённо ждём, кто первый сделает хоть какое-то движение, я или мой сын. Молчим.

Азриэлла оставила нас дома одних. Её, видите ли, срочно вызывают на работу, а оформить больничный по уходу за ребёнком не позволяет профсоюз. Моя супруга является ценным специалистом отдела искушений. Один раз ей почти месяц пришлось провисеть на доске почёта, в прямом смысле, у них так принято. Платят, правда, хорошо, сдельно, за каждого грешника по значимости, и планом, как у нас, не дают.

Разумеется, я вынужденно согласился отпустить жену на их сверхсрочное собрание, да Азриэлла меня особо и не спрашивала. Посидеть по-мужски, нос к носу, полезно и мне, и Захарии. Одна беда – я совершенно не в курсе, как обращаться с младенцами, а он, похоже, тоже не совсем понимает, зачем ушла мама и почему с ним остался именно я. Обоюдное молчание длилось до первого неуверенного «хнык» с его стороны.

– А гули-гули, трам-пам-пам! – ещё более неуверенно предложил я.

Мальш посмотрел на меня как на идиота. Хорошо я пересилил себя, склонился на его кроваткой, вспомнил старые детские колыбельные и тихо запел:

Спи, моя гадость, заткнись,
В доме все сдохли надысь,
Дверь ни одна не скрипит,
Мышь полудохлая спит,
Глазки скорее закрой
Или пойдёшь на убой...

В глазах моего сына мелькнуло немое снисхождение к моим вокальным данным, хотя, держу пари, слов он не понял, но общий посыл принял на свой счёт.

– Хнык... хнык...

Я понял – ещё минута, и он разревётся. А что может сделать демон, чтобы успокоить рыдающего младенца? Только съесть его! Но, с другой стороны, многие мамочки так развлекают своих детей, типа сладкий мой, вот я тебя так и съела, и малыш счастливо хохочет. Видели такое?

– Хнык... хнык... хнык...

– А-а-а! – зарычал я, принимая свой истинный облик и дурашливо улыбаясь во всю пасть. – Кто здесь плачет? Кого съест злой папочка-демон? Захария плачет? Съем Захарию, у-у-у...

Хныканье прекратилось вмиг. Глаза малыша стали круглыми от ужаса, по-моему, он всё понял, поверил и описался.

– Уа-уа-уа-аа!!!

От такого дикого рёва у меня заложило уши. Парень орал так, словно намеревался докричаться до мамы на собрании. Я укачивал его, тряс колыбельку, уговаривал по-всякому, плясал лезгинку, пел на идиш, читал ему вслух раннего Пастернака, тряс в ритме румбы

всеми погремущками сразу – малыш принципиально не затыкался.

А через пару минут в дверь уже начали постукивать недовольные соседи. Потом в пуленепробиваемое окно с улицы ударил кирпич.

– Заткни своего ублюдка, Абифасдон! Или мы сами его заткнём раз и навсегда...

– Что?! – зарычал я, яростно выкатывая на балкон надёжный пулемёт Дегтярёва. В своё время спёр с погранзаставы в Казахстане. – Кто тут недоволен моим сыном?!

Толпа внизу обомлела, а я, дико хохоча, нажал на спусковой крючок. Первая очередь пришлась под ноги обнаглевшим чертям из кулинарного техникума, будущим спецам по ядам и отравлениям. Вторая снесла двух рогатых бугаёв с охотничьими дробовиками. Малыш продолжал надрываться в крике.

Граждане внизу взялись за оружие, без нагана у нас в Аду никто не ходит, райончик такой – сплошь студенты, шоферня, пенсионерки и судебные чиновники низшего ранга. Под градом пуль мне пришлось отступить с балкона и уже через кухонную форточку бросить вниз одну за другой три противотанковые гранаты. Ловите, фрицы!

Кто-то орал от боли, кто-то искал оторванную ногу, кто-то уже звонил в местное МЧС, требуя у них ракетную установку «Град». Ха! «Града» у меня, конечно, нет, но четыре фаустпатрона времён Великой Отечественной я на своём горбу пёр сюда аж из самого Берлина ещё в сорок пятом. Чем, кстати, способствовал победе Красной армии! Да, пусть совсем чуть-чуть, нам, демонам, вообще запрещено помогать людям. Но способствовал же!

В нашу дверь застучали боевые топоры викингов. Плевать, она бронированная. Я лишь поднял вверх переключатель электрического щитка, и обладателя полностью железного топора с той стороны неслабо шибануло током! Ну как неслабо, уровень мощности был примерно как на электрическом стуле в США, хотя у нас в Аду и ребята покрепче.

Потом соседи сверху просверлили потолок, пустив к нам газ зарин. Пришлось в течение тридцати секунд воткнуть резиновый шланг в ту же дыру, залить щели строительной пеной и вывести зарин на улицу. Там сразу все заметно взбодрились, такая хрень у нас в Пекле идёт за полновесный наркотик, как веселящий газ...

Я вновь вышел на балкон, встав с двуручным мечом конквистадоров в руках, и держал позицию минут десять, отбиваясь от лезущих со всех сторон чертей второго ранга и демонов третьесортного пошиба.

– Мать вашу, это Спарта-а!

Не знаю, смотрели ли они «300 спартанцев», обычно наш попечительский совет по культуре охотно финансирует такие проекты, но нападающие летели вниз с матюками и неприличными выражениями в мой адрес. Большинство произносили их в последний раз, скорбно, в качестве прощальной речи.

Однако когда на улице появился первый танк любителей старины, я невольно вздрогнул. Не от боязни за себя, но мой малыш...

– Что за бардак вы тут устроили? Приличной женщине на каблуках и пройти невозможно!

Я продрал глаза от порохового дыма. По раздолбанной улице чинно шла наша мама, в смысле Азриэлла. Отреставрированный местными умельцами «тигр» она просто перевернула набок, поддев ноготком за гусеницу. Соседи и сочувствующие бросились врассыпную от одной её нежной улыбки, не дожидаясь, пока моя жена махнёт в рукопашную.

Двое совершенно отмороженных недоумков попытались дать ей совет на тему «что делать, если ребёнок всё время плачет» – Азриэлла порвала их на британский флаг, сложила

вместе и порвала ещё раз на сложносоставной герб Кубанского казачьего войска. Даже не пытайтесь себе это представить, просто погуглите.

– Всё в порядке, милый. – Моя жена с улицы взобралась на балкон и лизнула длинным раздвоенным языком мою щёку. – Ты не скучал?

– О, меня постоянно отвлекали от мыслей о тебе.

– Сволочи.

– И не говори.

– Как себя вёл наш маленький герой?

Я обернулся, быть может впервые за последние полчаса вспомнив о собственном сыне. Захария лежал в своей колыбельке тихий, обкаканный, спокойный и мирно сопел в две дырки. Вот же отчаянный негодник!

– Кажется, уснул?

– Ты у меня самый прекрасный муж и отец! – гордо объявила Азриэлла. – Я всегда знала, что на тебя можно оставить ребёнка. Как же мне с тобой повезло, любимый...

Я рассеянно кивнул. Руки всё ещё слегка тряслись после пулемётной стрельбы и меча.

– Можно мне пойти на работу?

– Конечно, дорогой! Если тебя это успокаивает.

У меня хватило сил молча кивнуть. Похоже, грешникам сегодня особенно не поздоровится. Просто поверьте на слово.

Я иду к вам!

Глава 7

Не верю!

Меня вызвали к шефу. Нет, это не значит, что он так уж страстно желал меня видеть, лично вручить премию или выпить по-товарищески хорошего коньячку. Ничего подобного. Просто сунул мне очередной приказ под нос и сделал эдакий жест рукой, требуя отвалить в задницу. Многоногая секретарша, в таком мини, что и циркуль счёл бы себя более одетым, причмокнув, передала мне адрес, имя и фамилию подлежащего к задержанию лица.

– Маг. Э-э-э, вы что, серьёзно?! Настоящий маг в двадцать первом веке? У меня просто слов нет. В это ещё хоть кто-нибудь верит? Ну кроме создателей сериала «Дневник экстрасенса»? К ним претензий нет, только диагноз. И тот неутешительный...

Она не ответила, ей было это неинтересно, но молча полезла на меня с поцелуями, торопливо распахивая блузку. Я успел уйти, увернувшись (три «у» подряд!) красивым финтом айкидо. Если моя жена увидит, она убьёт всех – директора, секретаршу, уборщицу, прочих служащих, владельца здания, главу руководящей компании и всех микробов, так, чтоб до меня дошло. О! Кстати, меня-то не убьют в любом случае. Поясню, если кто не понял...

Азриэлла считает дикой пошлостью говорить ребёнку, что его папа – погибший на испытаниях лётчик, не вернувшийся с Марса космонавт, утопший капитан дальнего плавания. Случись что совсем уж непоправимое, так она прямым текстом скажет нашему повзрослевшему сыну: родной, твой папочка был сукин кот и я сама его придушила!

У нас, демонов, какие-то вещи воспринимаются проще и в определённом смысле честнее, чем у людей. Хотя, с другой стороны, с кого ещё нам брать пример? Ну не с мелких бесов же, хотя и они порой такое вытворяют...

Я сел за руль своей старенькой «Шкоды Октавии», выданной мне взамен погибшей в прошлой аварии тачки, и включил навигатор. Не потому, что я не знаю город. Увольте, я его отлично знаю, благо тружусь здесь ещё со времён Ивана Грозного, это факт.

Мне ли не знать, как расширялись крепостные стены, как строились дома, как менялись названия улиц, как этот город проходил один социальный строй за другим, как люди плодились и размножались вне зависимости от весёлых интриг истории и всяческих катаклизмов времени. Не задумываясь, что уж вы там себе навоображали о демонических традициях, но лично мне бы хотелось остаться здесь, без перевода на другой участок.

А навигатор – это так, дань моде, почему бы и нет?

Как оказалось, вышеуказанный «маг» жил в хорошем многоквартирном доме, индивидуальная планировка, охраняемая территория, спальный район и такие роскошные тачки на стоянке, что моя скромная «шкода» смотрелась просто дико непрезентабельно. В следующий раз надо просить Альберта, у него обалденная «ауди», пусть повозит меня по грешникам. Престиж есть престиж.

– Виталий Константинович? – спросил я через домофон.

– Меня нет, – жёстко обрезал голос в динамике.

Понятно, ушлый тип, не хочет пускать в дом.

Только отсидеться ещё ни у кого не получалось. Просто потому, что я могу торчать у него под дверью Вечность. В буквальном смысле, и никуда он не денется. Тем более, чтобы попасть в дом с домофоном, достаточно немного подождать и войти с первым же

вернувшимся жильцом. Милая студентка в очках и модном плащике пропустила меня с собой, а пожилому вахтёру в стеклянной кабинке нежно улыбнулась. Я ещё подмигнул, в ответ получив столь же ободряющее подмигивание. Люди всегда верят в силу улыбки.

– Виталий Константинович, откройте! Вы нас заливаете!

Дверь беззвучно распахнулась. Вот уж не ожидал, что он купится на столь детский развод.

– Я ваш сосед снизу. Могу войти?

– Входи, посланник Тьмы, – величаво раздалось откуда-то из глубины полутёмной квартиры. – Мне отлично ведомо, кто ты, ибо в мире нет для меня тайн.

На всякий случай я осторожно принялся. Вроде как никаких подозрительных запахов, типа оружейной смазки или краски со старых икон. Впрочем, святая вода и серебро ничем не пахнут, а на моей работе именно этим в меня чаще всего стреляют, тыкают или брызгают. Я рискнул шагнуть в прихожую, дверь за моей спиной мягко захлопнулась.

Никаких пружин или технических фокусов, просто магия. Бытовое колдовство, так сказать. Кажется, теперь до меня дошло, за *что* этот тип продал свою бессмертную душу. Реальный маг! Причём свою силу он получил от нас, а значит, взять его будет очень трудно.

– Ну, раз вы знаете, кто я и зачем пришёл, – продолжил я, настороженно оглядываясь и стараясь двигаться спиной вдоль стенки, – быть может, тогда прекратим бессмысленные игры и вы просто заплатите по счетам?

– Глупец.

Я сдвинул тяжёлую портьеру, закрывавшую вход в гостиную, и ахнул – передо мной раскинулась бескрайняя пустыня, высокое синее небо, палящее солнце в зените, а прямо на песке сидел совершенно голый человек. Небритый, лысеющий, в толстых очках, с бледной, незагорелой кожей и дряблыми мышцами книжного червя.

Хотя не заройся он в редкие книги, так как бы сам догадался продать душу не за бутылку портвейна или ещё подешевле. За французский поцелуй неприступной красоты, например. Такое у нас встречается сплошь и рядом.

– Эффектно, – признал я, бесстрашно ступая на песок. – Ну так что у нас с оплатой договора?

Виталий Константинович поднял на меня бесцветные глаза, поправил очки и слегка повёл левым мизинцем. В тот же миг сверху упала сеть с ржавыми крючьями. Я позволил ей накрыть меня с головой, а потом просто порвал, как паутину. Этот тип допустил серьёзную ошибку и, похоже, не понимает какую...

– Вы продали душу шестнадцать лет назад, выпросив взамен магическую силу для управления всеми стихиями и перевоплощения в любую сущность. Как я понимаю, наша сторона честно выполнила все условия договора?

– Глупец.

– Вы повторяетесь.

– В моей власти ныне превратить в прах всё ваше Пекло, и сам диавол будет беспомощно целовать мне ноги!

Уф... Очень надеюсь, что его Чёрное Светлейшество не слышит этих слов. В противном случае я рискую быть испепелённым на месте заодно с оборзевшим идиотом.

– Мм... действительно не рекомендовал бы вам бросаться столь нелепыми угрозами, а просто пойти со мной.

– Глупец.

– Да сколько же можно?! – Я шагнул вперёд, поймав за руку голого нахала, как вдруг в один миг он обернулся королевской коброй.

Змеюка встала на хвост, угрожающе распахивая капюшон, с её клыков капал яд.

– Ролевые игры? – радостно догадался я, в ту же секунду оборачиваясь индийским мангустом. – Рики-тики-тави, сволочь, чтоб ты знал!!!

Кобра, несколько обалдев, храбро кинулась наутёк, но я был быстрее. Хвост поганой твари оказался очень недурён на вкус, но, прежде чем я нацелился броситься ему на шею, злодей обернулся в степного коршуна!

– А-а, хочешь продолжения? Изволь!

Меня захлестнула волна безудержного веселья, и, когда коршун взмыл под небеса, я мгновенно обернулся самым обычным серым зайчонком. Мимо такого искуса он пройти не мог и с клёкотом бросился вниз, распуская когти.

– Надо было читать не только экзистенциальные книги. Обычные рассказы Бианки о повадках животных тоже очень познавательны, – пробормотал я в заячьи усы, в последний момент «беспомощно» опрокидываясь на спину и нанося задними лапками охрнительный удар в грудь торжествующей птицы! Коршуна снесло метров на пять, катая по песку, как грязный комок переломанных крыльев.

– Вот так-то, умник!

Но прежде, чем я к нему подоспел, этот тип обернулся джейраном и дёрнул по пескам так, что только хвостик мелькнул в золотистом мареве.

– Пасть порву, моргалы выколю, – прорычал я, уже гепардом бросаясь в погоню. Да, вот такая у нас бегательная порой работа.

Догнать джейрана гепарду не трудно, но и не легко. На определённом расстоянии гепард самый быстрый зверь на земле. Но когда я лапой сбил эту сволочь, подсекая под левую заднюю ногу, Виталий Константинович неожиданно обернулся... китом!

– В пустыне?! Я с вас честно хренею...

Задница Вельзевулова, ну как он вообще рассчитывал хоть чего-то добиться многотонным белым китом на раскалённом песке средней Азии?! Мозг, ау-у-у...

Я на автомате, не сбавляя скорости, взбежал по хвосту на спину и лапой постучал ему по лбу.

– Какой-то советский мультсериал «КОАП» получается, не находите? Ну разве что обезьянки с голосом Клары Румяновой не хватает. Позвать?

В ту же секунду кит, гнусно хихикнув (чёрт знает как у него это получилось), вдруг вспыхнул синим пламенем. Я с перепугу взмыл вверх, оттолкнувшись всеми четырьмя лапами, а вниз спустился уже грозной грозовой тучей.

Вот так тебе, чтоб ты знал, мы, демоны, способны на многое, а уж мой опыт ловли таких «мудрецов» даже передают из уст в уста в высших школах судебных приставов. Пламя пыталось сопротивляться воде, но куда там...

– Может быть, всё-таки будем платить или как?

На песке устало дышал мокрый голый человек. Я встал рядом, помог ему подняться и крепко взял за руку.

– Милый, не надо, прошу тебя, – простонала Азриэлла, пытаясь вырвать у меня запястье. – Ты делаешь мне больно, тиран и деспот!

– Обычно тебя это возбуждает, – напомнил я.

Моя «жена» тут же стушеввалась, не зная, как себя вести. Пользуясь паузой, я просто

врезал ей в челюсть с левой. Она обмякла, и Виталий Константинович рухнул мне под ноги. Я молча взвалил тощее тело книжного фарисея себе на плечо. Всё, пора домой.

Премию мне так и не выписали. Маги, конечно, трудный народец, но всё равно не «неваляшки», на которых горят жизни десятков бесов, чертей и демонов. А этот, как я уже говорил, ещё дал маху, предлагая мериться силами в его магическом мире. То есть, если кто не понял, в *его* мире, наполненном *нашей* магией.

Сидел бы себе, как мышка, на кухне, обложившись серебром, иконами и святой водой, мне было бы куда труднее его выковырять. Но люди почему-то свято убеждены в том, что они всех умнее.

P.S.

– Любимый, ударь меня так ещё! Да! Да-а! О, как мне больно-о... Ты чудо! Хочу тебя!

– Ребёнок спит, можно потише?

– Я и так шёпотом, а у тебя ещё спина не исполосована. Иди сюда, пока у меня когти грязные.

– Искусительница...

Глава 8

Эмиграция

Если вы помните, после не столь дальних событий, а также той разрухи и стрельбы, что устроили сначала тёща, а потом я, стало окончательно ясно – нам пора валить. В этом райончике нам категорически не рады!

Конечно, малыш Захария особенно хорошо спит под грохот пулемёта, а на разрывы противотанковых гранат разве что слегка вздрагивает во сне, но ведь по-любому долго это продолжаться не может. Рано или поздно наши мстительные соседи (сколько бы мы их ни отстреливали) подтянут тяжёлую артиллерию и на раз-два, в крутом блицкриге разнесут нам противотанковыми снарядами всю детскую!

И это при всём том, что бы ни пели высшие чины Ада, как интересно наблюдать рождение человека в семье демонов, как нам предоставят особый статус, как обеспечат полную охрану и круглосуточное наблюдение. Нет уж! Не хочу жить в тюрьме!

Мы и так пали ниже некуда – прячемся ото всех, не можем вывезти подышать ребёнка несвежим воздухом, носу из дома не высовываем без бронежилета и автомата Калашникова за плечами. Раньше и сапёрной лопатки хватало отмахиваться от хулиганов, а Азриэлла вообще насмерть изнасиловала трёх гопников из соседнего квартала, но сейчас времена критически изменились...

– Нам придётся переехать.

– Ты прав, дорогой. Сегодня же напишу заявление своей начальнице. Не подпишет, отгрызу ей хвост!

– Это правильно. По-любому, без вопросов уволить такую ценную специалистку, как ты, всё равно никто не посмеет. В бутылке ещё осталась серная кислота?

– Да, дорогой, пей сколько хочешь, мне всё равно нельзя, пока кормлю. Малыш потом икает. Такой смешной.

– Ты не задумывалась, как он будет к нам относиться, когда поймёт, что человеческие черты – не наш настоящий облик?

– Даже думать об этом не хочу! Для него мы всегда будем только людьми, любящими папой и мамой. Как же мне хочется толчёного стекла с вареньем, кто бы знал...

– Ну поешь, у нас в холодильнике ещё полбанки!

– Нельзя, милый, в прошлый раз у масика от этого болел животик. Материнское молоко всё впитывает.

– Но не стекло же?!

– Вот можно подумать, ты обо всём знаешь! Прикуй меня цепью к батарее, дай по зубам и допивай свою серную кислоту, тебе уже дважды звонили с работы.

Я молча кивнул. Моя жена была во всём права. Мы принимали свою демоническую внешность лишь расслабившись, пока парень спал. Но по первому же писку над его колыбелькой склонились наши человеческие лица. При виде моей грубой морды с клыками, рогами, бородавками и кабаньими глазками редко не писались взрослые, чего уж ждать от младенца. Опыт был, повторять не хочу, дабы не травмировать сына ещё раз.

Короче, когда я пришёл к шефу объяснить ситуацию, он с кислой миной выслушал, но потом, подумав и сделав пару звонков, выложил мне шесть адресов наверху, по которым я и

моя жена могли бы бесплатно прописаться и жить.

Нет, нет, если кто-то вдруг подумал, что действительно «бесплатно», то утрите сопли зависти – у нас в Аду бесплатным бывает только место на сковороде! Мне прекрасно известно, что любая из предложенных квартир на все сто процентов уже набита жучками, камерами слежения и прочими шпионскими штучками. Жизнь «под колпаком», а что такое тотальная слежка спецслужб Пекла, ни одному Сноудену и в страшном сне не привиделось!

Тем не менее по зрелом размышлении я на всякий случай выбрал трёхкомнатную квартиру в спальном районе на юго-востоке, просто потому, что именно туда почему-то приходилась львиная доля моих вызовов. Не знаю, может быть, дело в том, что сюда переселили небогатых людей с окраины, а в девяностые душа стоила так дешёво, что мы в Аду до сих пор облизываемся. И ведь не сказать, будто бы сейчас у нас в этом плане кризис. Просто люди стали несколько изобретательнее и осторожнее в желаниях.

– Абифасдон?

– Нет, мать Тереза, – огрызнулся я в сотовый, прекрасно зная, что нас прослушивают. – Чего надо, Альберт?

– Просто хотел поинтересоваться, как твоё здоровье.

– Отвали, белобрысый!

– Куда конкретно отвалить? Я на машине доберусь быстро.

– Понятия не имею, куда хочешь, туда и вали! Главное, чтоб не в «Академию пива» на Ленина, тебе там точно делать нечего, усёк?!

– Да. Извини, если побеспокоил.

– Пошёл ты...

– Уже иду!

Примерно через десять минут ангел быстрого реагирования пил заранее заказанный мной капучино. За столько лет мы давно и досконально выяснили вкусы друг друга, установили взаимоприемлемые правила сосуществования в этом городе, дружили семьями, и Альберт даже согласился быть крёстным отцом моего сына.

[Купить полную версию книги](#)